
Л. В. СОКОЛОВА

Летописные повествования о Куликовской битве (К вопросу о взаимоотношении памятников)

Куликовской битве 1380 г., имевшей в глазах ее современников и их близких потомков важное историческое значение, посвящено несколько древнерусских произведений, образующих так называемый Куликовский цикл. До нас дошли летописные повествования о Куликовской битве, «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина». Произведения эти, известные в разных редакциях и вариантах, различны по своему жанру, объему сообщаемой информации, ее достоверности.

В изучении памятников Куликовского цикла сделано уже немало. Тем не менее многие проблемы еще нуждаются в дополнительном изучении, поскольку по вопросам датировки, взаимоотношений памятников Куликовского цикла и по большинству других проблем единого мнения не существует. Споры обусловлены сложностью текстологических взаимоотношений как между памятниками, составляющими цикл, так и между отдельными редакциями и вариантами каждого произведения в отдельности. Это побуждает вновь обратиться к вопросу о последовательности возникновения и о взаимоотношениях памятников Куликовского цикла.

Самыми ранними произведениями о Куликовской битве, возникшими в XIV в., были летописные повествования.¹ На основе первоначальных летописных текстов в XV и XVI вв. создавались их новые редакции и варианты.

Согласно принципу комплексного изучения летописания, текстологическое изучение летописных памятников невозможно в отрыве от текстологии летописных сводов, в которые эти памятники входят.² Поэтому прежде всего перечислим летописные повествования о Куликовской битве с краткой характеристикой тех летописей, в которых они читаются, и установлением взаимоотношений последних.

---

¹ «Задонщина», которую некоторые исследователи датировали XIV в., создана, по моему мнению, в XV в. См. об этом: *Соколова Л. В.* Первоначально ли Краткая редакция «Задонщины»? : (В связи с новейшими работами о взаимоотношении «Слова о полку Игореве» и «Задонщины») // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 62. С. 673—724.

² Принцип комплексного изучения летописания впервые был сформулирован А. А. Шахматовым. Он выступил против изолированного изучения отдельных, выхваченных из летописи мест (годовых статей, повестей) вне всей летописи в целом и за необходимость изучать каждую летопись в тесной связи со всей историей русского летописания. Об этом текстологическом принципе см.: *Лихачев Д. С.* Текстология : (На материале русской литературы X—XVII вв). М.; Л., 1962. С. 360—365.

Самым кратким летописным текстом является *заметка* под 1380 г. в Московско-Академической летописи (или Московско-Академическом списке Суздальской летописи) (далее — МАк.).³ А. А. Шахматовым установлено, что летописный текст в МАк. — компиляция, состоящая из трех разнородных частей. Причем, по наблюдению Б. М. Клосса, МАк. «представляет собой оригинал летописного свода, поскольку ряд палеографических примет в точности соответствует смене его источников».⁴ Третья часть МАк. (1237—1419), в составе которой читается статья 1380 г., восходит к ростовскому владычно-му своду 1419 г., объединившему предшествующую общерусскую летопись с ростовскими известиями.⁵ По мнению Я. С. Лурье, общерусская летопись, лежащая в основе ростовского свода, — это та же летопись, которая послужила протографом свода 1408 г. (А. А. Шахматов и М. Д. Приселков отождествляли ее с «Летописцем великим русским»)⁶.

Летописный *рассказ* о Куликовской битве был создан составителем свода 1408 г., известного по недошедшей Троицкой летописи (далее — Тр.).⁷ С небольшими изменениями рассказ свода 1408 г. был включен в свод 1412 г. и до-

³ МАк. известна в единственном списке рубежа XV—XVI вв.: РГБ, ф. 173/1 (Фундаментальное собр. 6-ки МДА), № 236. Изд.: ПСРЛ. Л., 1928. Т. 1, вып. 3. Стб. 489—540 (Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку); репринт в изд.: ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 489—540. По крайней мере с XVII в. кодекс принадлежал Троице-Сергиеву монастырю (он зафиксирован в описи монастырской библиотеки 1641 г.). Вероятно, там он и был создан (*Новикова О. Л.* «Летописец русский» в рукописях и в истории русского летописания XV в. // Летописи и хроники : Новые исследования. 2011—2012. М.; СПб., 2012. С. 187).

⁴ *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 222—230; *Клосс Б. М.* Предисловие к изданию 1997 г. [Лаврентьевской летописи] // ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. С. К.

⁵ *Шахматов А. А.* Обзорение... С. 224—228. Б. М. Клосс заметил, что ростовские известия завершаются в МАк. под 1415 г. сообщением о смерти ростовского князя Константина Владимировича, после чего следуют московские по своему происхождению статьи 1416—1419 гг. Так, под 1416 г. летопись не фиксирует смерть ростовского епископа Григория, которому в предшествующих статьях уделялось повышенное внимание, а под 1418 г. в ней не отмечено поставление очередного епископа Дионисия (*Клосс Б. М.* Предисловие к изданию 1997 г. С. К—Л). О. Л. Новикова связывает это с миграцией ростовской летописи (или, скорее, списка с нее), ставшей протографом «Летописца русского» (нач. 80-х гг. XV в.) и МАк., из Ростова в Москву в резиденцию ростовского владыки, что вполне согласуется с московским происхождением и «Летописца русского», и МАк. (*Новикова О. Л.* «Летописец русский»... С. 186). О взаимоотношении последних см.: Там же. С. 182—184 и др.

⁶ *Лурье Я. С.* Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 198—199; см. здесь генеалогическую схему летописей на с. 196.

⁷ Троицкая летопись, оканчивавшаяся 1408 г., сгорела во время московского пожара 1812 г. Она известна по выпискам Н. М. Карамзина в пяти первых томах «Истории государства Российского». Ее текст реконструирован М. Д. Приселковым с выделением в тексте выписок Карамзина: *Приселков М. Д.* Троицкая летопись : Реконструкция текста. М.; Л., 1950; 2-е изд.: СПб., 2002. По мнению М. Д. Приселкова, рукопись Тр., сгоревшая в 1812 г., «была если не оригиналом Троицкой, то копией весьма близкой по времени» к оригиналу Тр., который исследователь датировал временем между 1408 г. (окончанием изложения) и 1413 г. (появлением тверской переработки Тр.) (Там же. С. 47). Дополнительный материал к реконструкции М. Д. Приселковым Тр. с привлечением новых источников см.: *Муравьева Л. Л.* Московское летописание второй половины XIV—начала XV в. М., 1991. С. 72—127. По мнению Л. Л. Муравьевой, поддерживавшей предположение М. Д. Приселкова, Д. Феннела, М. Х. Алешковского и Б. А. Альтшуллера, Тр., которая находилась в руках Н. М. Карамзина, «была все-таки ранней (с ремарками) копией с оригинала, написанного вскоре после 1408 г.» (Там же. С. 201 и примеч. 66 на с. 205).

шел в составе Рогожского летописца (далее — Рог.)⁸ и Симеоновской летописи (далее — Сим.)⁹ Рассказ о Куликовской битве в своде 1408 г. послужил также протографом для двух восходящих к нему редакций: 1) в составе Белорусской I летописи (далее — Бел. I)¹⁰ и 2) в составе НЛЛ мл.¹¹

Свод 1408 г. подробно охарактеризован М. Д. Приселковым и Л. Л. Муравьевой.¹² Существует мнение, что «свод 1408 г.» был оформлен позднее 1408 г., на котором заканчивается Тр. (по В. А. Кучкину, например, в 1416 г.).¹³ Л. Л. Муравьева возразила против поздней датировки свода, поскольку в этом случае требует объяснения значительная задержка его завершения при отсутствии известий за 1409—1416 гг.¹⁴ Кроме того, следует учитывать, что свод 1408 г. послужил протографом для тверского свода 1412 г.,¹⁵ следовательно, он был завершён до этого времени.

Протограф Тр. (свода 1408 г.) А. А. Шахматов отождествил с «Летописцем великим русским», на который как на документ, не вызывающий сомнений, ссылается составитель Тр. под 6900 (1392) г. Говоря о сложностях в отношениях новгородцев с великими князьями, составитель Тр. предлагает открыть книгу «Летописец великий русский» и прочесть там текст «отъ великаго Ярослава и до сего князя нынѣшняго» в подтверждение того, что

⁸ Список РГБ, ф. 247, № 258, л. 335 об.—337 об., второй половины 40-х гг. XV в. Изд.: ПСРЛ. Т. 15, вып. 1: Рогожский летописец. Пг., 1922; репринт: ПСРЛ. Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 1—187; Рассказ о Куликовской битве в составе Рогожского летописца с вариантами по Симеоновской летописи см.: «О воинѣ и о побоищи, иже на Вождѣ» / Подгот. текста, вводн. ст., текст. коммент., примеч. В. А. Кучкина // Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998 (далее — ПКЦ). С. 9—11. О Рог. см.: *Муравьева Л. Л.* Рогожский летописец XV в. М., 1998.

⁹ Список БАН 16.8.25, л. 251 об.—255 нижней пагинации, второй четверти XVI в. Изд.: ПСРЛ. Т. 18: Симеоновская летопись. СПб., 1913; репринт: М., 2007.

¹⁰ Списки Никифоровский (далее — Нкф.) (БАН 45.11.16, XV в.) и Супрасльский (далее — Супр.) (Архив СПбИИ, ф. 115, № 143, первая половина 30-х гг. XVI в.) изд.: ПСРЛ. Т. 35: Летописи белорусско-литовские. М., 1980. Стб. 29—30 (Нкф.), 49—50 (Супр.); ПСРЛ. Т. 17: Западнорусские летописи. М., 1907. Стб. 1—83 (Супр. с вариантами по Нкф.); репринт: М., 2008. Лучшим списком, сохранившим более исправные и древние чтения, является Нкф., по которому текст будет цитироваться далее.

¹¹ НЛЛ мл. дошла в нескольких списках, старшие из которых датируются первой половиной 40-х гг. XV в. Изложение в Комиссионном списке (Архив СПбИИ РАН, кол. 2, № 240, л. 226—227, 40—50-е гг. XV в.) доведено до 1439 г. и продолжено другой рукой и на другой бумаге до 1446 г. (бумага датируется 1441 г.). Изложение в Академическом списке (БАН 17.8.36, л. 206—207, вторая половина 40-х гг. XV в.) было доведено, по свидетельству Татищева, до 1444 г. (бумага по филиграммам датируется 1445—1447 гг.). Рассказ о Куликовской битве НЛЛ мл. по Академическому списку с вариантами по Комиссионному списку изд.: Рассказ о Куликовской битве в Новгородской I летописи / Подгот. текста, вводн. ст., текст. коммент., примеч. В. А. Кучкина // ПКЦ. С. 21—27. См. также: ПСРЛ. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 101—427; репринт: М., 2000.

¹² *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. 2-е изд. СПб., 1996. С. 187—203; *Муравьева Л. Л.* Московское летописание... С. 72—205.

¹³ *Кучкин В. А.* К истории каменного строительства в Московском кремле XV в. // Средневековая Русь. М., 1976. С. 295, 296. Позднее В. А. Кучкин высказал мнение, что Троицкая летопись была написана «не ранее 20-х годов XV в.» (*Кучкин В. А.* О времени написания сгоревшей в 1812 г. Троицкой летописи // *Ad fontem. У источника: Сб. статей в честь Сергея Михайловича Каштанова.* М., 2005. С. 241).

¹⁴ *Муравьева Л. Л.* Московское летописание... С. 201.

¹⁵ «Троицкая летопись 1408 г. была подвергнута обработке, весьма решительно и глубоко коснувшейся ее изложения 1390—1408 гг. и произведенной... в Твери в 1413 году» (*Приселков М. Д.* История русского летописания... С. 171).

новгородцы — «человѣци суровы, непокориви, упрямы, непоставни» по отношению к великим князьям.¹⁶ Под «нынешним» князем составитель свода 1408 г. имел в виду Василия Дмитриевича, вступившего на престол 15 августа 1389 г. Последней статьей «Летописца», по мнению А. А. Шахматова, была статья 1390 г.,¹⁷ а по мнению М. Д. Приселкова — статья 1389 г.¹⁸ Тот факт, что за свидетельством о ссорах новгородцев с великими князьями автор свода 1408 г. отсылает ко времени от Ярослава Великого до Василия Дмитриевича, конфликт которого с новгородцами имел место в 1392 г., ясно указывает, что «Летописец» был доведен до этого года. В. Л. Комарович, сличив Тр. с близкими к ней текстами Сим. и Рог., отметил, что текст Рог. тождествен Тр. по 1392 г., и пришел к выводу, что именно 1392 г. оканчивался летописный свод, предшествовавший Тр.¹⁹ К этому же выводу пришел и Г. М. Прохоров.²⁰ По мнению Л. Л. Муравьевой, это был московский великокняжеский летописец Дмитрия Донского, заверченный вскоре после его смерти.²¹

Вариант рассказа Тр. читается в Рог.—Сим. Общий протограф Рог. и Сим., доведивший изложение до 1412 г. включительно, представлял собой тверскую редакцию свода 1408 г.²² В Рог. и Сим. совпадают статьи с 1328 по 1412 г., которым Рог. заканчивается. Л. Л. Муравьева полагает, что сокращение в Рог.—Сим. материала свода 1408 г. на протяжении всего XIV и начала XV в. (включая литературные источники) несомненно. Это, по ее предположению, может относиться и к тексту под 1380 г. с описанием «Побоища, иже на Дону»,²³ что не подтверждается нашим исследованием.²⁴

¹⁶ Отвечая на вопрос, почему сводчик 1408 г. отсылает читателя не к началу своей работы, где речь тоже шла и о великом Ярославе, и о последующем времени, а к «Летописцу великому русскому», где читатель (согласно выводу М. Д. Приселкова) ничего нового найти не мог бы (все известия «Летописца» вошли в свод 1408 г.), М. Д. Приселков предположил, что составитель свода 1408 г. отличал свой текст «от официального изложения великокняжеского летописца, очевидно позволяя себе уклоняться от делового изложения для высказывания оценок и замечаний... что могло придавать всей работе пристрастный и субъективный отпечаток» (Приселков М. Д. История русского летописания... С. 178—179). По мнению Л. Л. Муравьевой, составитель свода 1408 г. отсылает за сведениями о новгородско-княжеских отношениях к «Летописцу» потому, что он содержал более обширную выборку новгородских известий (Муравьева Л. Л. Московское летописание... С. 180).

¹⁷ А. А. Шахматов сослался на то, что «Летописец великий русский» был доведен до великого князя Василия Дмитриевича («нашего князя»), а также на то, что Тр. тождественна с Сим. в пределах от 1177 г., с которого она начинается, до 1390 г. включительно (Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1900. № 11. С. 151).

¹⁸ Считаю, что свод заканчивался статьей 1389 г. (годом смерти Дмитрия Донского), М. Д. Приселков основывался на том, что «перемена на княжеском столе» традиционно использовалась «для завершения и обработки известного накопленного летописного материала» (Приселков М. Д. История русского летописания... С. 178).

¹⁹ История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 193—195. Первая половина статьи 1392 г. (после которой Тр. расходится с Рог.) имеет нравоучительный характер, здесь осуждается нарушение новгородцами крестоцелования князю Борису Константиновичу, чем, видимо, и решил публицистически завершить свой труд летописец Дмитрий Иванович.

²⁰ Исследователь пишет: «...с середины статьи 6883 (1375) г. <...> до середины статьи 6900 (1392) г. Рог. в общем тождествен Тр.—Сим.» (Прохоров Г. М. Древнерусское летописание: Взгляд в неповторимое. СПб., 2014. С. 298).

²¹ Муравьева Л. Л. Московское летописание... С. 183.

²² Приселков М. Д. История русского летописания... С. 171; Лурье Я. С. Генеалогическая схема... С. 198; Муравьева Л. Л. Рогожский летописец XV в. С. 7.

²³ Муравьева Л. Л. Московское летописание... С. 171.

²⁴ Реконструкцию рассказа в своде 1408 г. на основе Рог. см. в Приложении к статье.

По поводу того, какой из двух текстов рассказа — в Рог. или в Сим. — ближе к протографу, высказаны разные точки зрения. М. А. Салмина охарактеризовала рассказ Сим. (тождественный, по ее мнению, тексту рассказа Тр.) как наиболее близкий к своду 1408 г.²⁵ В. А. Кучкин возразил на это, отметив, что чтения Рог. практически во всех случаях первичны по отношению к чтениям Сим.,²⁶ за исключением заглавия (в Рог. вместо «О великомъ побоищи, иже на Дону» ошибочно читается «О воинѣ и о побоищѣ, иже на Вождѣ»).

Белорусская редакция летописного *рассказа* свода 1408 г. читается в Бел. I. Исследователи установили, что протограф белорусско-литовских летописей восходит к общерусскому своду 1408 г. (отразившемуся в Тр.), который был дополнен западнорусскими известиями до 1446 г.²⁷ Бел. I по сравнению с Тр. (и Рог.—Сим.), по словам Я. С. Лурье, — «относительно поздняя и сильно сокращенная компиляция».²⁸

Не учитывая установленной исследователями зависимости Бел. I от свода 1408 г., А. В. Шеков высказал мнение, что рассказ Бел. I отражает самый ранний этап летописных повествований о битве на Дону и является первичным по отношению к рассказу Рог.—Сим.²⁹ Ученый сослался на то, что в Бел. I нет списка погибших на Куликовом поле, что свидетельствует якобы о том, что этот список, заимствованный из пергаменного Синодика, указанного С. К. Шамбинаго,³⁰ не был включен в первоначальный текст рассказа. С. Н. Азбелев справедливо возразил на это, отметив, что рассказ в Бел. I «основан на сокращении текста, восходившего к Троицкой летописи», и что в Бел. I «неактуальный для смоленского летописца середины XV в. перечень одиннадцати московских воевод, убитых в 1380 г., был заменен двумя общими фразами, прославлявшими павших на Куликовом поле».³¹ Отсутствие в Бел. I большинства дублировок рассказа Рог.—Сим., на что также сослался А. В. Шеков, объясняется стилистической редактурой текста в Бел. I. Таким образом, нет оснований пересматривать вопрос о взаимоотношениях рассказов в своде 1408 г. и Бел. I.

Новгородская редакция летописного *рассказа* свода 1408 г. читается в НЛ мл. НЛ мл. восходит к НЛ ст., но в ней есть избыточные по сравнению с последней статьи, читающиеся также в Новгородско-Софийском своде

²⁵ Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 355—364.

²⁶ [Кучкин В. А.]. Рассказ о Куликовской битве в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи // ПКЦ. С. 12—13. Эта точка зрения ранее была высказана М. Д. Приселковым, отметившим при этом, что Рог. в ряде случаев сокращает свой протограф, совсем опустив известия за 1401—1409 гг. Сим. же передает не протограф, а последующую его переработку (Приселков М. Д. История русского летописания... С. 170).

²⁷ Шахматов А. А. Обзорение... С. 345; Приселков М. Д. История русского летописания... С. 221; Лурье Я. С. Генеалогическая схема... С. 200.

²⁸ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 57, примеч. 121. Характеристику Никифоровской и Супрасльской летописей см.: Улащик Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985. С. 29—48.

²⁹ Шеков А. В. Рассказ о сражении на Дону 1380 г. в Белорусской I летописи // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Т. 2: История. Этнография. Искусствоведение. Тула, 2004. С. 13—22.

³⁰ Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. С. 72—73 (СОРЯС. Т. 81, № 7). Синодик см.: ГИМ, собр. Синодальной б-ки, № 667.

³¹ Азбелев С. Н. О связи московских и новгородских летописей в XIV и XV столетиях // Проблемы филологии: Язык и литература. 2010. № 4. С. 98, примеч. 31.

(далее — НСС). Среди них — два жития (Александра Невского и Михаила Черниговского) и рассказ о Куликовской битве. По поводу взаимоотношений этих текстов в НЛЛ мл. и НСС высказаны прямо противоположные точки зрения, о чем подробнее скажем далее.

Существует также более пространное повествование о Куликовской битве, известное под названием «Летописная повесть» (далее также — Повесть о Куликовской битве и Повесть). Она дошла в составе СЛ³² и НЛЛ,³³ их общий источник А. А. Шахматов назвал Новгородско-Софийским сводом. Последней общей для СЛ и НЛЛ статьей оказывается статья 6926 (1418) г., однако А. А. Шахматов датировал их общий источник первоначально 1448 г.,³⁴ а затем — 30-ми гг. XV в.³⁵ и предполагал, что этот свод восходит к Владимирскому Полихрону Фотия 1423 г. М. Д. Приселков, принимая гипотезу о существовании свода 1448 г., датировал Фотиев Полихрон 1418 г.³⁶ Аргументация А. А. Шахматова относительно того, что НСС предшествовал более ранний источник — Полихрон Фотия, была позднее опровергнута исследователями.³⁷ А. Г. Бобров возводит СЛ и — опосредованно — НЛЛ к своду митрополита Фотия, который датирует 1418 г.³⁸ Эту датировку свода Фотия поддержали Б. М. Клосс³⁹ и М. А. Шibaев.⁴⁰

Повесть о Куликовской битве читается также в Новгородской Карамзинской летописи (далее — НК). Особенностью НК является то, что она состоит из двух подборок: на л. 181—301 расположены статьи от начала летописи до 1411 г. (подборка НК1), а на л. 302—425 об. записаны известия 988—1428 гг. (подборка НК2) — именно в ней читается Повесть о Куликовской битве.⁴¹ Вто-

³² В обоих списках СЛ ст. последние статьи относятся к 1418 г. Текст Повести в СЛ ст. по списку Карамзина (РНБ, Q.IV.298, л. 437 об.—453 об. новейшей пагинации, кон. 70-х — нач. 80-х гг. XV в.) с вариантами по списку Оболенского (РГАДА, ф. 135, отд. V, рубр. 2, № 3, л. 387 об.—396 об., кон. 70-х гг. XV в.) изд.: Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода («Побойще великаго князя Дмитриа Ивановича на Дону съ Мамаемъ») / Подгот. текста, вв. ст., текст. коммент., примеч. В. А. Кучкина // ПКЦ. С. 28—62; см. также: ПСРЛ. Т. 6, вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000; ПСРЛ. Т. 39: Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. М., 1994 (СЛ мл.).

³³ Современное издание НЛЛ старшего и младшего изводов см.: ПСРЛ. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М., 2000.

³⁴ Шахматов А. А. Обзорение... С. 153—154.

³⁵ Шахматов А. А. Летописи // Новый энциклопедический словарь Брокгауза—Ефрона. 1915. Т. 25. Стб. 160. (То же с изменениями: Шахматов. Обзорение... С. 366). Этой точки зрения придерживается в издании 1998 г. В. А. Кучкин (см.: [Кучкин В. А.]. Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода // ПКЦ. С. 42—47).

³⁶ Приселков М. Д. История русского летописания... С. 204—210.

³⁷ См. об этом: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 70—71; Клосс Б. М. Второе предисловие к изданию 2000 года [НЛЛ] // Новгородская четвертая летопись. С. XI.

³⁸ Бобров А. Г. 1) Из истории летописания первой половины XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 6—11; 2) Новгородские летописи XV в. СПб., 2001. С. 128—160.

³⁹ Клосс Б. М. Второе предисловие к изданию 2000 года [НЛЛ]. С. XII—XIII.

⁴⁰ Шibaев М. А. Редакторские приемы составителя Софийской I летописи // Опыт по источниковедению: Древнерусская книжность: Редактор и текст. СПб., 2000. Вып. 3. С. 368—383.

⁴¹ НК читается в сборнике РНБ, F.IV.603. Листы, на которых читается НК (л. 361—370), датируются разными исследователями по-разному: концом XV в., началом XVI в., первой третью XVI в. Изд.: ПСРЛ. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002. Текст Повести в составе НК2 с вариантами по Голицыньскому и Новороссийскому спискам НЛЛ изд.: Рассказ о Куликовской битве в Новгородской IV летописи («О побойщи, иже на Дону, и о томъ, что князь великий бился съ Ордою») / Подгот. текста, вв. ст., текст. коммент. Б. М. Клосса, примеч. В. А. Кучкина // ПКЦ. С. 63—87.

рая подборка явно дополняет первую. Обе подборки тесно связаны с НІVЛ: почти весь текст обеих подборок находит полное соответствие в тексте этой летописи.

Вопрос о происхождении подборок НК не решен окончательно. Существуют две основные точки зрения. Согласно одной, идущей от А. А. Шахматова, НК1 и НК2 — это две выборки, сделанные одним автором из одного источника.⁴² Согласно другой точке зрения, НК1 и НК2 представляют собой составленные в разное время, но включенные в одну рукопись тексты; причем версия НК1 (свод 1411 г., по А. Г. Боброву) была источником для СІЛ. Происхождение НК2 при этом объясняется по-разному: по мнению Г. М. Прохорова, НК2 является выборкой из СІЛ известий, которых не было в НК1;⁴³ по мнению А. Г. Боброва, НК2 является выборкой из свода Фотия 1418 г.⁴⁴ Оба исследователя единодушны в том, что НК1 и НК2 были источниками для НІVЛ. Я. С. Лурье, полемизируя с Г. М. Прохоровым, не согласился с его выводом о независимом и разновременном возникновении НК1 и НК2.⁴⁵ Не приняли этот вывод также Б. М. Клосс⁴⁶ и М. А. Шибаев.⁴⁷

В любом случае НК2, в которой читается Повесть о Куликовской битве, и НІVЛ имеют общий протограф (по Я. С. Лурье, «архетип»). Архетип НК—НІVЛ завершался, по всей вероятности, 1428 г. Это следует из того, что известием под этим годом заканчивается НК2,⁴⁸ после этого же года рас-

⁴² По предположению А. А. Шахматова, выборки были сделаны либо из первоначальной редакции НІVЛ (*Шахматов А. А.* *Общерусские летописные своды XIV и XV вв.* // ЖМНП. 1900. № 9. С. 96—98), либо из общего источника НІVЛ и СІЛ (или из НІVЛ, правленной по «своду 1448 г.») (*Шахматов А. А.* *Обозрение...* С. 189—195). Первое из этих предположений представлялось Я. С. Лурье более вероятным (*Лурье Я. С.* 1) *Новгородская Карамзинская летопись* // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 207—213; 2) *Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи* // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 199—218; 3) *Летопись Новгородская Карамзинская* // *Словарь книжников.* Вып. 2, ч. 2. С. 54—55).

⁴³ *Прохоров Г. М.* 1) *Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема общерусского сводного летописания* // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 165—198; 2) *Древнерусское летописание.* С. 120—139.

⁴⁴ *Бобров А. Г.* *Новгородские летописи XV в.* С. 160—166.

⁴⁵ *Лурье Я. С.* 1) *Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи.* С. 199—218; 2) *Летопись Новгородская Карамзинская.* С. 54—55; 3) *Предисловие* // *Новгородская Карамзинская летопись.* С. 4. Я. С. Лурье, возражая Г. М. Прохорову, указал, что НК1 содержит вторичные по отношению к СІЛ чтения и потому не может быть ее источником. По его мнению, обе подборки были выписаны одним автором из общего протографа («архетипа») НК и НІVЛ, входящего наряду с СІЛ к своду 1418 г. Составитель НК, новгородец, вначале выписал казавшиеся ему важными известия, главным образом новгородские, а затем в качестве дополнительного материала во вторую подборку выписал оставшиеся известия, в том числе обширные центральнорусские повести, которые были впервые включены в свод 1418 г. Я. С. Лурье сослался при этом на подобное разделение текста на две части (более важную, по мнению редактора, и менее важную) в других летописях, например, в Вологодско-Пермской летописи первой редакции (*Лурье Я. С.* *Предисловие.* С. 4).

⁴⁶ *Клосс Б. М.* *Второе предисловие к изданию 2000 г. [НІVЛ].* С. XV—XVI.

⁴⁷ *Шибаев М. А.* *Редакторские приемы составителя Софийской I летописи.* С. 368—383.

⁴⁸ На последних двух листах НК2 (л. 424—425 об.) содержатся краткие, главным образом новгородские, известия за 6926 (1418)—6936 (1428) гг. Сведений за эти годы не было, естественно, в своде митрополита Фотия, который оканчивался 1418 г. Поэтому в этой части НК2, по словам А. Г. Боброва, обнаруживает ближайшее родство со своим непосредственным источником — «постоянно ведущейся» новгородской «владычной летописью», текст которой дошел до нас в НІЛ (*Бобров А. Г.* *Новгородские летописи XV в.* С. 162—163).

ходятся НІВЛ ст. и НІВЛ мл.⁴⁹ Особенностью архетипа НК—НІВЛ является добавление к своду 1418 г. известий из НІЛ мл. и других источников, в связи с чем в тексте возникли дублировки.⁵⁰ Однако при наличии дублирующих известий и некоторых сокращений протограф НК и НІВЛ лучше отражает текст свода 1418 г., чем СІЛ.⁵¹ Текст Повести о Куликовской битве в НК2 в большинстве случаев имеет первоначальные по отношению к НІВЛ чтения. Он сближается, по мнению Б. М. Клосса, с текстом Повести в НІВЛ ст. и лишь в очень небольшом числе случаев совпадает с текстом Повести в НІВЛ мл.⁵² По наблюдениям В. А. Кучкина, в Карамзинском списке СІЛ ст. в Повести о Куликовской битве много ошибок и переработок текста. При этом в других случаях Повесть в составе СІЛ ст. сохранила более древний текст, чем СІЛ мл.⁵³ Следовательно, СІЛ ст. и СІЛ мл. восходят к общему протографу, возможно, непосредственно к своду 1418 г.

Сведения о различного рода *сокращенных вариантах* Повести, основанных на текстах СІЛ и НІВЛ, приведены в статье М. А. Салминой.⁵⁴ Характер сокращений Повести в этих летописях различен.

Распространенная летописная Повесть о Куликовской битве читается в НІВЛ по списку Дубровского (далее — НДубр.).⁵⁵ Основным источником НДубр. была НІВЛ; наряду с новгородским летописанием здесь отразилось также московское общерусское (великокняжеское) летописание.⁵⁶

⁴⁹ После 1428 г. в НІВЛ ст. (доведена до 1437 г.) и НІВЛ мл. (доведена до 1447 г.) начинаются значительные расхождения в изложении по большей части одних и тех же известий. Это можно, вероятно, объяснить тем, что известия за 1429—1437 гг. (в НІВЛ мл. известий за 1429—1431 гг. нет) взяты составителями НІВЛ ст. и НІВЛ мл. из какого-то новгородского источника и по-разному ими изложены.

⁵⁰ *Лурье Я. С.* 1) Летопись Софийская I // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 2. С. 58; 2) Предисловие // Новгородская Карамзинская летопись. С. 9—11. Трудно согласиться с Б. М. Клоссом в том, что двухчастную структуру, подобную структуре НК, имел уже свод 1418 г., а свод 1428 г. образовался в результате объединения подборок, читающихся в НК. Представляется более правдоподобной точка зрения А. А. Шахматова, который считал, что выборки из протографа сделаны составителем Карамзинского списка НІВЛ (т. е. НК), а протограф этого списка имел вид обыкновенного свода (*Шахматов А. А.* Обзорение... С. 193).

⁵¹ Этот вывод сделан еще А. А. Шахматовым (*Шахматов А. А.* Отзыв о сочинении С. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1906 // Отчет о двенадцатом присуждении премий митрополитом Макарием в 1907 году. СПб., 1910. С. 124) и подтвержден В. А. Кучкиным ([*Кучкин В. А.*]. Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода. С. 46) на основании того, что текст рассказа Рог.—Сим. ближе к тексту НІВЛ, чем к тексту СІЛ.

⁵² [*Клосс Б. М.*]. Рассказ о Куликовской битве в Новгородской IV летописи : Текстологический комментарий // ПКЦ. С. 84.

⁵³ [*Кучкин В. А.*]. Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода. С. 42—43.

⁵⁴ *Салмина М. А.* «Летописная повесть» о Куликовской битве... С. 345—349. Сокращенные тексты Повести, основанные на НІВЛ, читаются в НІВЛ и в восходящих к ней текстах, а также в НІЛ (в последней — почти пересказ). К СІЛ восходят сокращенный рассказ в Никаноровской летописи, своде 1479 г. и в восходящих к нему летописях, в том числе — в Типографской и Ермолинской.

⁵⁵ Новгородская летопись Дубровского (Новгородская IV летопись по списку Дубровского) — летопись XVI в., включающая в себя новгородский свод 1539 г., составленный, по-видимому, по повелению архиепископа (впоследствии — митрополита всея Руси) Макария, сохранилась в рукописи РНБ, ОСПК, F.IV.238, л. 247 об.—259 (прежняя пагинация: л. 244 об.—256). Изд.: ПСРЛ. Т. 43: Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. М., 2004.

⁵⁶ *Лурье Я. С.* Летопись Новгородская Дубровского // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 2. С. 53.

Итак, установленными с той или иной степенью достоверности можно считать следующие взаимоотношения летописей: великокняжеский свод 1392 г. («Летописец великий русский») послужил протографом для митрополичьего свода 1408 г. В свою очередь свод 1408 г. стал протографом для тверского свода 1412 г. (к нему восходят Рог. и Сим.) и для третьей части Бел. I. Свод 1408 г. послужил также одним из источников для свода Фотия 1418 г., к которому восходят СЛ, НК2, НІVЛ. При этом НК2 и НІVЛ имеют общий протограф — свод 1428 г. Летопись НДубр. восходит к НІVЛ. Третья часть МАк. отразила ростовский свод 1419 г., который соединил общерусскую летопись конца XIV в. (свод 1392 г.) с ростовскими известиями. Что касается взаимоотношений НІЛ мл. с НСС (сводом Фотия 1418 г.) и со сводом 1408 г., то мнения ученых на этот счет разделились (см. об этом далее).

По поводу взаимоотношений между перечисленными летописными повествованиями о Куликовской битве существует целый ряд спорных вопросов.

Во-первых, спорным является вопрос о датировке Повести о Куликовской битве. М. А. Салмина в статьях 1960—1970-х гг. датировала ее 40-ми гг. XV в.⁵⁷ Основанием для такой датировки послужило то, что, согласно своду 1479 г., Федор Тарусский погиб в бою при Белеве в 1437 г. и, следовательно, в список убитых на Куликовом поле он включен ошибочно автором Повести, написанной после этого года. С этим объяснением не согласились В. А. Кучкин, датирующий Повесть 30-ми гг. XV в.,⁵⁸ и Б. М. Клосс, датирующий Повесть 1418—1419 гг.⁵⁹ В. А. Кучкин, в частности, указал, что могли существовать два Федора Тарусских, например дед и внук, и что отождествлять Федора Тарусского, убитого в 1437 г., с одноименным князем, убитым в 1380 г., можно будет только после того, как будет доказано, что у него (если он реально существовал) был брат Мстислав, названный в Повести о Куликовской битве вместе с Федором.⁶⁰ Позднее М. А. Салмина отказалась от предложенной ею датировки и склонна была датировать «Летописную повесть» более поздним временем — серединой XVI в.,⁶¹ игнорируя тот факт, что некоторые содержащие «Летописную повесть» списки НІVЛ и СЛ датируются XV в. Другая точка зрения состоит в том, что Повесть создана в XIV в., о ней подробнее скажем далее.

Во-вторых, спорным остается вопрос о взаимоотношениях рассказа Рог.—Сим. и Повести о Куликовской битве. По одной версии, первоначальным текстом является рассказ Рог.—Сим., к которому восходит Повесть,⁶²

⁵⁷ Салмина М. А. 1) «Летописная повесть» о Куликовской битве... С. 372—373; 2) Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 6—30.

⁵⁸ [Кучкин В. А.]. Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода. С. 59.

⁵⁹ Клосс Б. М. Второе предисловие к изданию 2000 г. [НІVЛ]. С. XIII.

⁶⁰ Отметим, что представители рода Волконских (одна из ветвей потомков князей Тарусских) в родословной 1688 г. называли Федора и Мстислава Юрьевичей внуками тарусского князя Ивана Юрьевича Толстая Голова и считали их погибшими в 1380 г. в Куликовской битве (см.: Волконская Е. Г. Род князей Волконских. СПб., 1900. С. 290—300; см. также: Кузьмин А. В., Мурашев А. А. Волконские // Большая российская энциклопедия. М., 2006. Т. 5. С. 634).

⁶¹ Салмина М. А. К вопросу о датировке так называемого Новгородско-Софийского свода // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 172—183.

⁶² Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1901. № 11. С. 65; Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве... С. 364; [Кучкин В. А.]. Рассказ о Куликовской битве в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи. С. 15.

по другой — рассказ Рог.—Сим. представляет собой сокращение Повести.⁶³ По третьей версии, текст Рог.—Сим. составлен на основе двух не дошедших до наших дней памятников.⁶⁴

В-третьих, спорным и весьма сложным является вопрос о взаимоотношениях рассказа о Куликовской битве в НІЛ мл. и Повести в НСС (своде Фотия 1418 г.). Большинство исследователей считают рассказ НІЛ мл. сокращением Повести.⁶⁵ Противоположную зависимость текстов предполагают В. А. Кучкин⁶⁶ и Н. И. Милютенко.⁶⁷ При этом, по наблюдениям ученых, рассказ о Куликовской битве НІЛ мл. в 10 случаях имеет общие чтения с Рог.—Сим.⁶⁸ Были предложены различные объяснения текстологической связи этих рассказов, которые приведем далее.

В-четвертых, разные точки зрения высказывались по поводу взаимоотношений Распространенной летописной Повести в НДубр. с Повестью в своде Фотия 1418 г. и в своде 1408 г. Текст Повести о Куликовской битве в НДубр, восходящий к НІВЛ, содержит ряд фрагментов, отсутствующих в НІВЛ—СІЛ, из которых наиболее крупные — рассказ об «уряжении» полков перед сражением, рассказ о Засадном полку Владимира Андреевича и рассказ о поисках князя Дмитрия на поле боя. По мнению М. А. Салминой, все вставки за исключением одной — рассказа об «уряжении» полков — восходят к тексту «Сказания о Мамаевом побоище».⁶⁹ Иную точку зрения настойчиво отстаивает С. Н. Азбелев: он считает повествование в НДубр. самым ранним и самым полным текстом Повести о Куликовской битве, которая возникла якобы в Полоцке, затем подверглась сокращению в общем протографе НІВЛ и СІЛ и еще большему сокращению ранее — в протографе Рог.—Сим.⁷⁰ Ему возразили Я. С. Лурье⁷¹

⁶³ *Шамбинаго С. К.* Повести о Мамаевом побоище. С. 81—83; *Азбелев С. Н.* Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского // *Летописи и хроники* : 1973. М., 1974. С. 164—172; *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975. С. 316, 317, 330, 332, 431, 432.

⁶⁴ *Шахматов А. А.* Отзыв о сочинении С. Шамбинаго. С. 104; [*Кучкин В. А.*]. Рассказ о Куликовской битве в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи. С. 15; *Зайцев А. К.* Памятники Куликовского цикла и Летописная повесть «О побоище иже на Дону» // *Куликово поле и Донское побоище 1380 года*. М., 2005. С. 44—45.

⁶⁵ *Шамбинаго С. К.* Повести о Мамаевом побоище. С. 81; *Шахматов А. А.* 1) Отзыв о сочинении С. Шамбинаго. С. 104, 127; 2) Обзорение... С. 163; *Салмина М. А.* «Летописная повесть» о Куликовской битве... С. 349—350; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV веков. С. 93, примеч. 80; *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // *Новгородский исторический сборник*. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 3—72.

⁶⁶ [*Кучкин В. А.*]. Рассказ о Куликовской битве в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи. С. 24—27.

⁶⁷ *Милютенко Н. И.* Новгородская 1 летопись младшего извода и Общерусский летописный свод начала XV в. // *Летописи и хроники* : Новые исследования. 2009—2010. М.; СПб., 2010. С. 162—222.

⁶⁸ См. о них: *Зайцев А. К.* Памятники Куликовского цикла... С. 44.

⁶⁹ *Салмина М. А.* Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве. С. 21.

⁷⁰ *Азбелев С. Н.* 1) Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского. С. 164—172; 2) Об устных источниках летописных текстов : (На материале Куликовского цикла) // *Летописи и хроники* : 1976. М., 1976. С. 78—101; 3) Устное повествование о Куликовской битве и его обработки в летописях // *Древняя Русь* : Вопросы медиевистики. 2003. № 4 (14). Декабрь. С. 5—6; 4) Куликовская победа в народной памяти : Литературные памятники куликовского цикла и фольклорная традиция. СПб., 2011. С. 70—96.

⁷¹ *Лурье Я. С.* Летопись Новгородская Дубровского. С. 53.

и В. А. Кучкин.⁷² Я. С. Лурье назвал точку зрения С. Н. Азбелева необубедительной, поскольку «дополнительные эпизоды, читающиеся в НДубр., имеют явно вставной характер и противоречат основному тексту».⁷³ Думается, что вопрос о Повести в НДубр. можно считать решенным. Вряд ли рукопись XVI в., в которой читается НДубр., восходящая к НІVЛ, сохранила самый ранний и полный текст Повести, который до этого в более ранних летописях читался в сокращенном виде. Если допустить, что в НДубр. сохранился первоначальный (полный) текст Повести, то как в таком случае объяснить, что во всех летописях, кроме поздней НДубр., оказалось опущенным такое важное сообщение «авторского текста Повести», как существование Засадного полка, благодаря которому была выиграна битва? Наконец, Повесть и «Сказание» созданы с разных политических позиций, и сюжет о Засадном полку и поисках великого князя на поле битвы отвечают позиции автора «Сказания», близкого к князю Владимиру Андреевичу.

Особую точку зрения на взаимоотношения летописных повествований о Куликовской битве находим во взаимосвязанных работах А. К. Зайцева и А. В. Шекова. В статье 2002 г. А. К. Зайцев высказал предположение о существовании общего источника повествования о Донском побоище в НІЛ мл., НК2, НІVЛ и СІЛ — недошедшей «просерпуховской повести», источником для которой была московская «Повесть-протограф», восходящая в свою очередь к «московской летописной реляции о Куликовской битве».⁷⁴ Существование просерпуховской повести А. К. Зайцев предположил на том основании, что в Повести и в НІЛ мл. наряду с Дмитрием Ивановичем упоминается Владимир Серпуховской. Расширяя и перерабатывая свою статью 2002 г., А. К. Зайцев в работе 2005 г. усложнил схему взаимоотношения летописных повествований и попытался датировать рассказы Бел. I, НІЛ мл., «Летописной повести»,⁷⁵ допустив при этом ряд противоречивых и необоснованных утверждений.⁷⁶ Гипотезу А. К. Зайцева поддержал А. В. Шеков, предложив при

⁷² В. А. Кучкин согласился с мнением М. А. Салминой, которая «ясно показала, что в списке Дубровского в статье 1380 г. была использована не московская княжеская летопись, а Сказание о Мамаевом побоище, подтвердив тем самым правоту С. К. Шамбинаго, а не А. А. Шахматова» ([Кучкин В. А.]. Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода. С. 45, примеч. 6).

⁷³ Лурье Я. С. Летопись Новгородская Дубровского. С. 53.

⁷⁴ Зайцев А. К. О протографе летописной «Повести о Донском побоище» и рассказе 1380 г. Новгородской I летописи // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. 2: История, этнография, искусствоведение. Тула, 2002. С. 30—44.

⁷⁵ Зайцев А. К. Памятники Куликовского цикла... С. 31—60.

⁷⁶ Считая вслед за А. В. Шековым рассказ Бел. I сводным, созданным на основе двух ранее существовавших текстов, и датируя рассказ Бел. I июнем—июлем 1381 г., А. К. Зайцев делает далее иной вывод: «Старейшим среди летописных текстов о Куликовской битве является текст Краткой летописной повести 1390-х гг. НІЛ младшего извода» (с. 53). При этом датировка А. К. Зайцевым и Бел. I, и НІЛ мл. основана на очень зыбком фундаменте. Так, объединение в Бел. I двух частей рассказа, ранее существовавших отдельно, произошло, по мнению исследователя, «до 2 августа 1381 г.», поскольку во второй части Олег Рязанский назван беглецом, что якобы было бы невозможно после заключения московско-рязанского договора 2 августа 1381 г. Рассказ НІЛ мл. содержит, по мнению Зайцева, «достаточно надежный» датирующий признак: сокращение списка имен погибших до двух белозерских князей можно, по мнению исследователя, объяснить только тем, что оно сделано во время правления в Новгороде в 1393—1397 гг. сына и внука упомянутых князей — Константина Ивановича

этом, как уже сказано, считать рассказ Бел. I самым ранним повествованием о Куликовской битве, а рассказ Рог.—Сим. — созданным на основании «1-го и 2-го летописных источников» (1-й летописный источник — «московская летописная реляция» — предшествовал 2-му летописному источнику — «Повести-протографу»)).⁷⁷

Итак, по вопросу истории возникновения и взаимоотношения летописных повествований о Куликовской битве до сих пор нет единого мнения.

* * *

Рассмотрим нерешенные вопросы взаимоотношения летописных повествований о Куликовской битве.

I. Во-первых, это вопрос о датировке так называемой «Летописной повести».

В Повести в отличие от кратких летописных рассказов говорится о сражении рязанских воинов на стороне Мамаея, об участии в походе литовских князей — братьев Ольгердовичей, о благословении Дмитрия Ивановича коломенским епископом, приводятся многочисленные молитвы Дмитрия Донского. Исследователи указали литературные памятники, к которым обращался автор Повести: Повесть об Александре Невском, пергаменный Синодик, древнейшая часть которого датируется XIV—XV вв., паремийное чтение о Борисе и Глебе, апокрифическое «Слово на Рождество Христово о пришествии волхвов».⁷⁸

Повесть отличается от летописных рассказов своей публицистичностью. Автор обличает рязанского князя Олега, разражаясь в его адрес грозными филиппиками, цитируя библейские тексты. Он сравнивает Олега с Иудой и Святополком Окаянным, предрекает рязанскому князю Божью кару за его измену, за союз с Мамаем.

Указав на «крайне страстный, негодующий тон повести», «в высшей степени резкую характеристику Олега», а также на фразу о будущем посмертном суде («придеть ему день Господень въ судъ»), А. Марков высказал мысль, что Повесть написана еще при жизни Олега, т. е. до июля 1402 г.⁷⁹ С тем, что об Олеге повествуется как о живом и еще опасном противнике, согласились А. А. Шахматов,⁸⁰ М. Н. Тихомиров,⁸¹ С. Н. Азбелев,⁸² А. К. Зай-

Белозерского. Утверждая, что Рог. создан путем объединения двух протографов, А. К. Зайцев исходит из ошибочного утверждения, что протограф первой части Нкф. (Бел. I) в отличие от протографа второй части не обнаруживает близости к рассказу Сим. См. также примеч. 128 в настоящей статье.

⁷⁷ Шеков А. В. Рассказ о сражении на Дону 1380 г. в Белорусской I летописи. С. 13—22.

⁷⁸ См. об этом подробно: Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве... С. 364—376.

⁷⁹ Марков А. В. [Рецензия на: Шамбинаго С. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906 (Отд. оттиск из Сборника Отд-ния русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 81) // ЖМНП. 1908. № 4. С. 434—435.

⁸⁰ Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго. С. 103—104, 170. А. А. Шахматов, отмечая «живое чувство, живые страсти», проявившиеся в «резких выражениях по адресу рязанского князя», считал, что «даже в Москве образ Олега Ивановича не мог бы вызвать у представителей следующих поколений той злобы, которую он вызывал у современников».

⁸¹ Тихомиров М. Н. Куликовская битва 1380 г. // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 346.

⁸² Азбелев С. Н. 1) Об устных источниках летописных текстов. С. 82—88; 2) Устное повествование о Куликовской битве и его обработки в летописях. С. 5; 3) Куликовская победа в народной памяти. С. 90—91.

цев.⁸³ А. А. Шахматов предположил, что Повесть как самостоятельное произведение была написана в XIV в.⁸⁴ Как о факте, не вызывающем сомнения, о создании Повести о Куликовской битве в конце XIV в. пишет Л. Л. Муравьева, перечисляя разногласия ученых относительно *летописной* истории этого сочинения.⁸⁵

Олег Рязанский обвиняется автором Повести в союзе с Мамаем и Ягайлом, в посылке войск к Мамаю. Однако сообщение о существовании рязанско-ордынского союза в 1380 г., о посылке Олегом войск к Мамаю, как и сообщение об объединивших свои силы на поле битвы трех противниках Дмитрия, вызывает у ряда исследователей серьезные сомнения, обоснованные прежде всего В. А. Кучкиным, по словам которого эти сведения носят не фактический, а публицистический характер.⁸⁶ Поэтому исследователи предполагают, что обличение Олега Рязанского продиктовано другим событием.

С. Н. Азбелев, датирующий Повесть 1386 г., и А. К. Зайцев, датирующий ее второй половиной 1385 г., связывают гневный выпад автора Повести в адрес Олега Рязанского с нападением последнего на Коломну 25 марта 1385 г. в день двойного праздника — Благовещения и Лазаревой субботы.

В. А. Кучкин полагает, что гневный выпад против Олега вызван скорее событиями 1382 г. — нашествием на Москву Тохтамыша.⁸⁷ Взять Москву татарам помог Олег Рязанский, который «обведе царя около все своей земли и указа ему вся броды на Оце», рассчитывая такой ценой уберечь от татар свое княжество, но тщетно: на обратном пути Тохтамыш «взя всю Рязанскую землю и огнемъ пожже и люди посъче, а полона поведе въ Орду множество бесчисленое». Досталось Олегу и от москвичей, наказавших его за предательство: той же осенью москвичи его «землю всю до остатка взяша и огнемъ пожгоша и пугу сотвориша».⁸⁸

Однако скорее всего причиной гневного выпада против Олега послужили события именно 1380 г., в том числе нападение рязанцев на воинов, возвращавшихся с Куликовской битвы, и пленение некоторых из них.

Исследователи отмечают, что обличающая Олега Повесть не могла появиться позже 1386 г., когда Олег «навечно» помирился с Дмитрием Донским: «повесть же, несомненно, составлена в обстановке самой крайней неприязни к Олегу».⁸⁹

Итак, московская Повесть о Куликовской битве была создана, скорее всего, между 1380 и 1386 г., при жизни Дмитрия Донского (он умер в 1389 г.), с целью его прославления.

⁸³ Зайцев А. К. Памятники Куликовского цикла... С. 55.

⁸⁴ Характеризуя свод митрополита Фотия, А. А. Шахматов указывал, что «в летописный свод впервые в 1423 году» было внесено «сказание „О побоище иже на Дону, и о том, как князь великий бился с Ордою“, которое, очевидно, было составлено еще в XIV столетии» (*Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1901. № 11. С. 65*).

⁸⁵ Муравьева Л. Л. Московское летописание... С. 171—172.

⁸⁶ [Кучкин В. А.]. Рассказ о Куликовской битве в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи. С. 19; 2) Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода. С. 49—51, 53, 54, 57.

⁸⁷ [Кучкин В. А.]. Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода. С. 49. В. А. Кучкин не рассматривает это как датирующий признак. По его мнению, Повесть создана в составе НСС в 30-е гг. XV в.

⁸⁸ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 146.

⁸⁹ Азбелев С. Н. Об устных источниках летописных текстов. С. 82.

Позднее Повесть была включена в летописный свод Фотия 1418 г., заменив собой *рассказ* о Куликовской битве, читавшийся в своде 1408 г. Это подтверждается характером работы составителя свода 1418 г. По наблюдению М. Д. Приселкова, он «привлек для своей работы немало новых материалов, в большинстве случаев внелетописного характера (сказания, повести, послания, грамоты), которые должны были придать новому своду характер не только исторического обзора прошлых судеб Русской земли, но и назидательного чтения».⁹⁰

II. Второй вопрос касается взаимоотношений Повести и текста Рог.—Сим.

Как отметила М. А. Салмина (со ссылкой на наблюдение В. П. Адриановой-Перетц), стилистика рассказа под 1380 г. в Рог. и Сим. полностью соответствует той, которая характерна для ближайших к нему частей. Это объясняется тем, что при создании свода 1408 г., к которому опосредованно восходит рассказ Рог.—Сим., был переработан текст свода 1392 г. за 1375—1392 гг. Особенно близко к рассказу о битве на Дону описание битвы на Воже 1378 г. Опорные формулы воинского стиля в обоих рассказах точно повторяются в одной и той же последовательности: сборы в поход, сражение, бегство врага, возвращение с победой (в других статьях Рог.—Сим. встречаются по отдельности то одна, то другая формула воинского стиля).⁹¹ Близость эта, как справедливо замечает М. А. Салмина, дает основание думать, что обе победы над войсками Мамаея были описаны одним автором. Обе статьи в Рог.—Сим. содержат известия о последствиях битв, в том числе об Олеге Рязанском и о Мамае (в рассказе о битве на Воже говорилось о последовавшем за ней нападении Мамаея на Рязанскую землю и бегстве Олега за Оку). В обеих статьях (1378 и 1380 г.) имеются однотипные указания на даты битв: «Се бысть побоище прилучися мѣсяца августа въ 11 день, на память святаго мученика Еоупла диакона, въ среду при вечере»;⁹² «И бысть побоище мѣсяца сентября въ 8 день на Рожество Святыя Богородица, въ субботу до обѣда».⁹³

М. А. Салмина, считавшая, что первоначальным повествованием о Куликовской битве был рассказ Рог.—Сим. (тождественный, по мнению исследовательницы, рассказу Тр.), видела доказательство этого в том, что рассказ этот «на всем протяжении стройный, в нем нет ни одного повторения, события описываются в четкой последовательности, никаких литературных „источников“ в нем не обнаруживается».⁹⁴

Однако в рассказе Рог.—Сим. еще А. А. Шахматовым были указаны дублировки, которые обычно считаются классическими индикаторами присутствия в одном тексте двух разных летописных источников.⁹⁵ Другие дублировки

⁹⁰ Приселков М. Д. История русского летописания... С. 207. Вошедшие в свод Фотия внелетописные материалы составили основную часть НК2. Состав второй подборки НК, перечисление вошедших в нее внелетописных источников, в том числе центрально-русских (главным образом московских и тверских) по происхождению повестей и документов см.: Бобров А. Г. Новгородские летописи XV в. С. 160—162.

⁹¹ Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве... С. 356. Сопоставление стилистических оборотов в двух рассказах — о битве на Воже и битве на Дону см.: Салмина М. А. 1) Там же; 2) Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве. С. 3—4.

⁹² ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 135.

⁹³ Там же. Стб. 140.

⁹⁴ Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве... С. 356.

⁹⁵ Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго. С. 125—126.

в Рог.—Сим. были затем отмечены Л. А. Дмитриевым⁹⁶ и В. А. Кучкиным,⁹⁷ все они приведены и проанализированы в статье А. К. Зайцева.⁹⁸ В. А. Кучкин, поставив под сомнение две из приведенных А. А. Шахматовым дублировок, признал, что два других примера (1 и 4)⁹⁹ бесспорно свидетельствуют о дублировании текста в рассказе Рог.—Сим. и что вывод А. А. Шахматова об использовании в этом рассказе двух источников оказывается вполне обоснованным.¹⁰⁰

В. А. Кучкин полагает, что одним из источников сводного текста Рог.—Сим. был более ранний и более обширный текст, существовавший уже до 1409 г., поскольку статьи 1380 г. Рог. и Сим. возводятся к своду 1409 г.¹⁰¹ Этот предполагаемый более обширный, чем Рог.—Сим., текст исследователь отказался отождествить с известной нам Повестью, сославшись на то, что «М. А. Салмина доказала зависимость рассказа Новгородской IV летописи и близких к ней сводов от рассказа в Симеоновской, а не наоборот».¹⁰² Но можно ли считать эту зависимость доказанной?

Основной довод М. А. Салминой в пользу первичности рассказа Рог.—Сим. сводится к следующему: «В кратком рассказе великий князь лишь после битвы узнает о том, что Олег готовился быть союзником Мамаю, это первое упоминание о роли рязанского князя. В „Летописной повести“ же с самого начала уже известно об измене Олега, и Дмитрий Иванович узнает о ней еще в Москве <...> поэтому сходная с кратким рассказом фраза — „поведаша князю великому, что князь Олег Рязаньский посылал Мамаю на помощь свою силу“ — в данном эпизоде „Летописной повести“ явно неуместна. Совершенно очевидно, что эта фраза была переписана механически (из Сим. в Повесть. — Л. С.) вместе с остальным текстом, где речь шла уже о действиях Олега после битвы (он переметал мосты, грабил возвращавшихся с битвы)».¹⁰³ Этот довод нельзя признать неопровержимым.

Во-первых, описания последствий битвы: судьбы Олега Рязанского, Мамаю и Тохтамышя — логичнее предполагать в развернутой Повести, нежели в рассказе, очень кратко сообщающем о самой битве, на что указывал еще С. К. Шамбинаго.

Во-вторых, повторение в конце Повести сообщения о том, что Олег посылал на помощь Мамаю свою «силу», не доказывает первичности рассказа

⁹⁶ Дмитриев Л. А. Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев, О. П. Лихачева. Л., 1982. С. 324.

⁹⁷ [Кучкин В. А.]. Рассказ о Куликовской битве в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи. С. 14—15.

⁹⁸ Зайцев А. К. Памятники Куликовского цикла... С. 44—45.

⁹⁹ Первый пример дублировки: «И бысть поле чисто и велико зѣло» — «бѣ бо поле чисто на усть Непрядвы рѣкы»; четвертый пример: «и убѣжа Мамай въ малѣ дружинѣ въ свою землю Татарскую» — «тогда же Мамай не во мнозѣ утече съ Доньскаго побоища и прибѣже въ свою землю въ малѣ дружинѣ». О том, чем объясняются дублировки в Рог.—Сим., см. далее.

¹⁰⁰ [Кучкин В. А.]. Рассказ о Куликовской битве в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи. С. 14.

¹⁰¹ В. А. Кучкин сослался на наблюдение С. К. Шамбинаго, который указал на неожиданное упоминание в конце рассказа Сим. Олега Рязанского, при том что в начале повествования о нем ничего не говорилось (Там же. С. 15). Сам С. К. Шамбинаго склонен был объяснять этот факт тем, что Сим. сократила Повесть, читающуюся в НІВЛ и в сходных с ней летописях.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве... С. 359.

Рог.—Сим. по отношению к Повести. Исследователи неоднократно отмечали в Повести ряд несообразностей. Они относятся и к «публицистическим» сюжетам, и к изложению фактических сведений.¹⁰⁴ Поэтому абсолютно справедлив вывод, что «в авторе Повести трудно увидеть опытного стилиста и тщательного компилятора».¹⁰⁵ В таком случае нет ничего удивительного в том, что автор (или редактор первоначального текста), внесший известие о союзе Олега с Мамаем в начало повествования, повторил в конце Повести, где речь шла уже о действиях Олега после битвы, сообщение о том, что рязанский князь посылал на помощь Мамаю своих воинов.

В-третьих, М. А. Салмина допускает в рассуждениях серьезную ошибку, приписывая рассказу Рог.—Сим. фразу, отсутствующую в нем. Она по сути дела утверждает, что в кратком рассказе (т. е. в Рог.—Сим.) в данном фрагменте речь шла не только о том, что Олег посылал на помощь Мамаю свою силу, но и о том, что он совершил уже после битвы: «переметал мосты» и *грабил возвращавшихся с битвы*. И весь этот текст якобы был переписан из Сим. в Повесть. Однако известия об ограблении рязанцами возвращавшихся с битвы воинов в Рог.—Сим. нет (см. фрагмент 33 в табл. 2). И это явный пропуск в Рог.—Сим., поскольку не разрушение мостов было главным преступлением Олега, а то, ради чего это было сделано: ограбление воинов, возвращавшихся с ожесточенной битвы, и взятие некоторых из них в плен. Этот факт произвел сильное впечатление на современников, он был зафиксирован в договоре («Докончании») Дмитрия Ивановича с Олегом Рязанским 6 августа 1381 г.¹⁰⁶ и отразился в современных Куликовской битве немецких хрониках (ошибочно приписавших ограбление воинов литовцам).¹⁰⁷ Почему же сообщение об ограблении русских воинов оказалось пропущено в своде 1408 г.? Возможно, потому, что его составитель счел этот факт снижающим воинскую доблесть ратников, победивших Мамаю, или потому, что признал его не заслуживающим упоминания в кратком рассказе о первом крупном сражении между татарами и русскими, завершившемся победой русских.

О первичности текста Повести свидетельствует явная вторичность по сравнению с ней другого сообщения в Рог. и Сим. — о возвращении Дмитрия Ивановича в свою землю. В конце описания битвы в Рог.—Сим. сказано о возвращении князя Дмитрия Ивановича в Москву. Там ему стало известно об измене Олега, туда же к нему прибыли бояре рязанские. После сообщения

¹⁰⁴ «К несообразностям фактического характера следует отнести сообщения о выступлении „всех колен татарских“, об одновременной посылке Олегом с посланием к Мамаю и Ягайле „антихристовая предтечи“ Епифана Кореева; невнятна запись о численности войск, пропущен эпизод столкновения разъездов накануне сражения, и мы узнаем лишь о результате; совершенно несуразна фраза о поиске бродов „в ночи“ (т. е. два дня стояли на Дону и не удосужились) и т. д.» (Зайцев А. К. Памятники Куликовского цикла... С. 50).

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ В «Докончании» говорилось о возвращении пленных и награбленного: «А что князь великий Дмитрий и брат, князь Володимер, билися на Дону с татары, от того веремени что грабеж, или что поиманые у князя у великого людии у Дмитрия и у его брата, князя Володимера, тому межи нас суд вопчии, отдати то по исправе» (СГГД. М., 1813. Т. 1. С. 54. Грамота 32). Судя по тому, что вопрос о донском полоне ставился затем и в договорных грамотах наследников Дмитрия Ивановича и Олега Ивановича — их сыновей («Докончание» 1402 г.), а потом и внуков («Докончание» 1447 г.), Рязань так ничего Москве и не вернула.

¹⁰⁷ Азбелев С. Н. Новгородцы и Куликовская битва // Новгородский исторический сборник. СПб., 2008. № 11 (21). С. 146.

о том, что Дмитрий Иванович внял просьбам рязанцев и не послал на них рать, в тексте Рог.—Сим. и Бел. I (т. е. в своде 1408 г.) ошибочно добавлено: «а сам поиде въ свою землю, а на Рязанском княжене посади свои намѣстници» (ср. в Повести: «рати на нихъ не посла, а на Резанскомъ княжении посажа намѣстници свои»).

Первичность текста Повести по отношению к Рог.—Сим. доказывает и следующий пример. Согласно Повести, весть о Мамае, стоящем за Доном и ждущем на помощь Ягайла, была получена Дмитрием Ивановичем в Коломне. После этой вести и в связи с ней великий князь поспешил из Коломны к Оке, там встретился с Владимиром Серпуховским и «начаша возитися за Оку...» (т. е. перешли границу, вступили на Рязанскую землю), чтобы не дать соединиться Мамаю с Ягайлом. Согласно же рассказу Рог.—Сим., русские войска вначале переправились через Оку и только после этого получили весть о стоящем за Доном в ожидании Ягайла Мамае. И якобы эта весть заставила великого князя переправиться через Дон. Однако вопреки этому в Повести говорится о том, что русские полки два дня стояли у Дона и «много думавше»: одни советовали князю переправляться за Дон, другие отговаривали.

Таким образом, Повесть содержит текст, первичный по отношению к рассказу Рог.—Сим, восходящему к своду 1408 г. Поэтому одним из источников сводного рассказа вполне могла быть внелетописная Повесть 80-х гг. XIV в., включенная позднее в летопись, а не некое недошедшее «московское пространное повествование о Куликовской битве», как предполагал В. А. Кучкин.

III. В таком случае какой текст помимо Повести был источником для рассказа в своде 1408 г.? Из исследования В. А. Кучкина это неясно.¹⁰⁸ По нашему мнению, это был текст, читающийся в МАк., восходящий к заметке о Куликовской битве в своде 1392 г.

Статью 1380 г. в МАк. все исследователи считают сокращением текста Рог.—Сим.¹⁰⁹ Это мнение основывается, вероятно, на том, что МАк. (рукопись 80-х гг. XV в.) моложе свода 1408 г., к которому восходят Тр. и Рог.—Сим. Л. Л. Муравьева, реконструируя состав Тр. на основании сопоставления известных различных летописей, пишет: «МАк. относительно широко (при отсутствии 19 статей и сокращения записей) представляет общий текст Тр.—Сим.—Рог.—Вл<адимирского летописца> за 1359—1408/9 гг.; целый ряд сообщений об одних и тех же событиях эта летопись хранит в самостоятельных записях с оригинальными чтениями, иной датировкой...».¹¹⁰ При такой характеристике МАк. нельзя ли предположить обратной зависимости текстов Тр. и МАк. и допустить, что не МАк. опустила 19 статей и сократила текст оставшихся статей, а составитель свода 1408 г. добавил 19 статей и расширил объем статей, читавшихся в протографе МАк.? По сравнению с другими летописями, в том

¹⁰⁸ По словам ученого, рассказу Рог.—Сим. предшествовали «не дошедшие до наших дней памятники, возможно, как летописного, так и внелетописного происхождения, в которых победа на Куликовом поле и связанные с нею события излагались подробнее, чем в дошедших текстах Рогожского летописца и Симеоновской летописи» ([Кучкин В. А.]. Рассказ о Куликовской битве в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи. С. 15).

¹⁰⁹ Шахматов А. А. Обзорение... С. 228; Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве... С. 355; Муравьева Л. Л. Московское летописание... С. 89; Зайцев А. К. Памятники Куликовского цикла... С. 39.

¹¹⁰ Муравьева Л. Л. Московское летописание... С. 116—117.

числе сокращенными сводами, МАк. содержит краткие, лаконичные по языку и при этом чисто информационные по характеру известия, представляющиеся первичными по отношению к текстам других летописей.

Как выяснил Я. С. Лурье, ростовский свод 1419 г., отразившийся в третьей части МАк., и московский свод 1408 г., отразившийся в Тр., находились в довольно сложных отношениях друг с другом. Некоторые совпадения между ними могут объясняться влиянием старшего свода (1408) на младший (1419).¹¹¹ Но в других случаях, по наблюдениям Я. С. Лурье, заметно и обратное влияние; ученый полагал, что некоторые известия могли проникнуть в свод 1408 г. из источника (или источников) ростовского свода.¹¹² Если верно предположение Я. С. Лурье, что протограф свода 1408 г. и протограф ростовского свода 1419 г. (общерусский свод) — это один и тот же свод конца XIV в.,¹¹³ то ростовский свод 1419 г. мог лучше сохранить текст общерусского свода конца XIV в., который был дополнен и отредактирован в своде 1408 г. В таком случае рассказ о Куликовской битве в МАк. вполне может содержать текст, первичный по отношению к рассказу свода 1408 г. О. Л. Новикова в указанном выше исследовании (см. примеч. 3 и 5) пришла к выводу об общем протографе третьей части МАк. и «Летописца русского», который, вероятно, отразил заглавие своего протографа — «Летописца великого русского».

Предположение Л. Л. Муравьевой о «Летописце великом русском» (своде 1392 г.) как памятнике, включавшем большее количество повестей, чем Тр.,¹¹⁴ вряд ли оправданно, как и утверждение о наличии в «Летописце великом русском» пространного текста о Куликовской битве — «Повести (или подробного рассказа) о Донском побоище»,¹¹⁵ который якобы был сокращен в своде 1408 г. Более убедительна обоснованная точка зрения М. Д. Приселкова о расширении, дополнении составителем свода 1408 г. своего протографа, «Летописца великого русского».¹¹⁶ М. Д. Приселков пишет: «Ближайшее рассмотрение текста Летописца великого русского, положенного сводчиком 1408 г. в основу своего свода, не оставляет сомнения в том, что при включении этого Летописца в свод 1408 г. он был подвергнут некоторого рода обработке». И приводит убедительные тому свидетельства

¹¹¹ К текстам ростовского свода 1419 г., испытавшим влияние свода 1408 г., Я. С. Лурье относит, в частности, рассказы о Куликовской битве и о нашествии Тохтамыша в 1382 г., но не обосновывает этого (*Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв.* С. 45, примеч. 92).

¹¹² *Лурье Я. С.* 1) Там же. С. 45, 56; 2) Летопись Московско-Академическая // *Словарь книжников.* Вып. 2, ч. 2. С. 45—47.

¹¹³ Предположение, что в основе ростовского свода 1419 г. лежит общерусский свод 1392 г., подтверждается и тем, что именно после 1391 г. (1394—1415) (статей за 1392—1393 гг. нет) в ростовском своде идут в основном ростовские известия.

¹¹⁴ *Муравьева Л. Л. Московское летописание...* С. 180. По заключению Л. Л. Муравьевой, специально рассматривавшей соотношение «Летописца великого русского» (ЛВР) с Тр., «в ЛВР, вполне вероятно, были уже Повесть о битве на Пьяне, Рассказ о битве на Воже, Повесть (или подробный Рассказ) о Донском побоище, Повесть (или подробный Рассказ) о Тохтамыше и Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче» (Там же. С. 181). Как видим, исследовательница посчитала, что в «Летописце» были все повести, «лежащие в хронологических границах ЛВР», т. е. описывающие события, произошедшие до 1392 г.

¹¹⁵ Там же. С. 181, 182.

¹¹⁶ *Приселков М. Д. История русского летописания...* С. 168—179, 187—203 (особенно § 3 главы VI: Обработка источников в своде 1408 г.).

на примере статей 1330 и 1328 г.¹¹⁷ Исходя из этого, можно предположить, что и заметка о Куликовской битве под 1380 г., читавшаяся в своде 1392 г., была расширена сводчиком 1408 г. путем включения фрагментов из Повести о Куликовской битве.

В таком случае есть основание считать, что краткая летописная заметка свода 1392 г., дошедшая в МАк., и была первым источником для рассказа свода 1408 г. Текстологическое сопоставление текстов МАк. и Рог. подтверждает это предположение.

Во-первых, исследователи, считающие заметку МАк. сокращением Рог.—Сим., не доказывают это текстологически. Между тем заметка МАк. в ряде фрагментов первична по отношению к рассказу Рог.—Сим. Об этом свидетельствуют сходные известия в МАк. и Повести, отсутствующие в Рог.—Сим. и Бел. I (т. е. в своде 1408 г.). Во фрагменте 28 (табл. 1) в МАк. содержится известие о том, что русские воины после своей победы прославили наравне с Богом и его «всенепорочную мать». Это сообщение отразилось в Повести (из нее оно было заимствовано в НЛ мл.), но при этом отсутствует в Рог.—Сим. и Бел. I (следовательно, отсутствовало в своде 1408 г.). Если считать, что заметка МАк. первична по отношению к рассказу Рог., то общие чтения МАк. и Повести объясняются просто: заметка МАк. (т. е. свода 1392 г.), с одной стороны, использована в Повести (отсюда их общие чтения), а с другой — при создании рассказа свода 1408 г., в котором упоминание о прославлении Богородицы было опущено. Если же принять мнение исследователей, что МАк. — это сокращение Рог., то невозможно объяснить, как попало в МАк. известие, отсутствующее в Рог. и при этом содержащееся в Повести.

Во-вторых, если считать, что в МАк. рассказ Рог.—Сим. был сокращен, то придется допустить, что многие важные фактические известия о битве составитель МАк. опустил. В МАк. отсутствуют следующие фактические сведения Рог.—Сим.: сообщение о том, из кого состояло войско Мамаю (фрагмент 1), сведение об ожидавшемся соединении войск Мамаю с войском Ягайла (фрагмент 6), о бегстве татар (фрагмент 15), о погоне русских воинов за татарами до реки Мечи, где многие из татар утонули или были убиты (фрагмент 17), о бегстве Мамаю «в свою землю» (фрагмент 19); нет в МАк. и даты битвы (фрагмент 20). Если допустить, что в заметке МАк. сокращен текст Рог.—Сим., то как объяснить, почему составитель МАк. убрал важный фактический материал? Для сравнения укажем на то, что составитель Бел. I сокращал текст свода 1408 г. (полнее представленного в Рог.—Сим.), убирая «лишние» слова и выражения, делая изложение более лаконичным, но при этом он везде сохранял фактический материал (за исключением имен погибших русских воинов, ничего не говоривших ему и его читателям).

Все это приводит к выводу о первичности текста заметки МАк. по отношению к рассказу свода 1408 г., поэтому протограф МАк. вполне мог быть одним из источников рассказа.

¹¹⁷ Характеризуя переработку, которой подвергся свод 1392 г. в своде 1408 г., М. Д. Приселков отметил, например, что изложение статьи 6838 (1330) г. может быть разбито на две части, при этом вторая часть «никак не может относиться по времени к Летописцу великому русскому», а значит, «переработка известия 1330 г. Летописца великого русского (т. е. добавление второй части. — Л. С.) сделана сводчиком 1408 г.» (Там же. С. 196—197).

IV. Четвертый спорный вопрос касается рассказа НЛЛ мл.

С. К. Шамбинаго считал, что в НЛЛ мл. сокращен текст Повести, читающийся в НІVЛ.¹¹⁸ А. А. Шахматов согласился с этим выводом С. К. Шамбинаго,¹¹⁹ но при этом высказал мнение, что рассказ НЛЛ мл. восходит не к НІVЛ, а непосредственно к ее протографу — «своду 1448 г.».¹²⁰ Кроме того, он обратил внимание на чтения НЛЛ мл., сходные с чтениями Сим. (в НІVЛ и СІЛ их нет), которые требовали объяснения. Сам А. А. Шахматов предположил, что на статью 1380 г. НЛЛ мл. оказала влияние гипотетически восстанавливаемая Новгородская летопись 1433 г., где описание Куликовской битвы было заимствовано из Ростовской летописи. Последняя повлияла также на протограф Сим., отсюда и возникли общие чтения НЛЛ мл. и Сим.¹²¹ К точке зрения А. А. Шахматова присоединилась М. А. Салмина с одним уточнением: по ее мнению, источником Новгородской летописи 1433 г. была не Ростовская летопись, а свод 1408 г., т. е. тот памятник, к которому восходит рассказ Рог.—Сим.¹²² Это уточнение М. А. Салминой вызвало возражение Я. С. Лурье, который считал, что нет «никаких свидетельств влияния свода 1408 г. (Троицкой летописи) на Новгородскую I младшего извода».¹²³ Я. С. Лурье разделял точку зрения о сокращении составителями НЛЛ мл. Повести, читавшейся в своде 1448 г., а совпадение некоторых чтений НЛЛ мл. с чтениями Сим. он расценивал как свидетельство «большой близости» НЛЛ мл. именно к своду 1448 г.¹²⁴ Однако это объяснение общих чтений НЛЛ мл. и Рог.—Сим., по словам В. А. Кучкина, «методически неприемлемо»: в НІVЛ и СІЛ нет целого ряда чтений, общих для НЛЛ мл. и Рог.—Сим., следовательно, этих чтений не было и в их общем протографе — в НСС, поэтому объяснять их появление в НЛЛ мл. влиянием НСС нельзя.¹²⁵ А. А. Гиппиус в специальной работе по истории создания НЛЛ мл. пришел к выводу, что Новгородский владычный свод (отразившийся в НЛЛ ст.) стал одним из главных источников НСС — общего протографа СІЛ и НІVЛ. После этого новгородский владычный свод был переписан заново, при этом в него были заимствованы из НСС Жития Александра Невского и Михаила Черниговского. Этот дополненный свод и явился протографом Академического и Комиссионного списков НЛЛ мл.¹²⁶

В. А. Кучкин, согласившись с М. А. Салминой в том, что рассказ Рог.—Сим. был источником Повести, предположил, что вторым ее источником был рассказ НЛЛ мл. Это принципиально иная точка зрения на взаимоотношения НЛЛ мл. и НСС: не НСС был источником повествования о Донском побоище в НЛЛ мл., а рассказ НЛЛ мл. был использован составителями НСС. Что касается ряда общих чтений НЛЛ мл. и Рог. (их 10), то они, по словам В. А. Кучкина, свидетельствуют о том, что «при составлении статей 1380 г. в протографах обоих памятников был использован общий источник, причем

¹¹⁸ Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. С. 81.

¹¹⁹ Шахматов А. А. 1) Отзыв о сочинении С. Шамбинаго. С. 104; 2) Обзорение... С. 163.

¹²⁰ Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго. С. 127.

¹²¹ Там же. С. 127—128.

¹²² Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве... С. 349—350.

¹²³ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV веков. С. 93, примеч. 80.

¹²⁴ Там же. С. 91—93.

¹²⁵ [Кучкин В. А.]. Рассказ о Куликовской битве в Новгородской I летописи. С. 24.

¹²⁶ Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи. С. 3—72.

по-разному». Ученый отметил также, что в НЛ мл. нет характерных для Тр. (Рог.—Сим.) дублировок, зато в ней есть пассажи, в Тр. отсутствующие. По его словам, «промосковская окраска» рассказа о Донском побоище в НЛ мл. и Рог. «заставляет думать, что в них была использована, вероятнее всего, статья 1380 г. московского летописного памятника, предшествовавшего своду 1409 г.», и это было пространное повествование. Причем в НЛ мл. «этот памятник прошел известную редакторскую правку (ср. замечание о москвичах-небывальцах)».¹²⁷

Позиция А. К. Зайцева по вопросу о взаимоотношениях рассказа НЛ мл. и «Летописной повести»¹²⁸ противоречива. С одной стороны, он присоединяется к точке зрения В. А. Кучкина и на с. 48 пишет: «Так же, как и Расск. Рог.—Сим., он (Рассказ НЛ мл. — Л. С.) почти полностью вошел в текст Повести»; на с. 51 говорит о замене автором Повести цитаты из Второзакония, читающейся в НЛ мл., на слова 40 севастиийских мучеников. С другой стороны, «Летописную повесть» А. К. Зайцев датирует 1385 г. (с. 53—56), а рассказ НЛ мл. — более поздним временем: «Старейшим среди летописных текстов о Куликовской битве является текст Краткой летописной повести 1390-х гг. НЛ младшего извода (Комиссионный и Академический списки)» (с. 53). Здесь же он выдвигает новую версию: рассказ НЛ мл. и «Летописная повесть» восходят к общему протографу («Протографом Краткой повести НЛ и основным историческим источником Летописной повести о Донском побоище НК2, НIVЛ и СИЛ послужила условно названная „просерпуховская“ повесть о Куликовской битве, а не Расск. Рог.—Сим., как считает М. А. Салмина»).

Н. И. Милютенко, рассмотрев происхождение житийных рассказов о Михаиле Черниговском и Александре Невском в НЛ мл. и СИЛ, пришла к выводу, что составитель «Общерусского свода» «знал текст Н1 мл. и постоянно обращался к нему», в то же время «составитель Н1 мл. вообще не знал Общерусского свода».¹²⁹ Касается Н. И. Милютенко и взаимоотношения рассказа о Куликовской битве НЛ мл. с Повестью НСС. Она и в этом случае считает первичным текст рассказа в НЛ мл. по отношению к «Общерусскому своду» (НСС), в котором фрагменты, заимствованные из Тр. (Рог.—Сим.) и НЛ мл., «соединены с уникальными текстами, и не всегда удачно». Исследовательница при этом указывает только один фрагмент (о москвичах-«небывальцах»), в котором текст НЛ мл. якобы первичен по отношению к НСС.¹³⁰ Касаясь отмеченных Я. С. Лурье случаев частичного или полного сходства НЛ (ст. и мл.) с Тр.

¹²⁷ [Кучкин В. А.]. Рассказ о Куликовской битве в Новгородской I летописи. С. 24—27.

¹²⁸ Зайцев А. К. Памятники Куликовского цикла... С. 48—53.

¹²⁹ Милютенко Н. И. Новгородская I летопись младшего извода... С. 221—222.

¹³⁰ Н. И. Милютенко пишет: «...в Н1 мл. летописец, цитируя Псалтырь (на самом деле Второзак. 32:30. — Л. С.), писал о москвичах-небывальцах (новобранцах), победивших с поля боя при одном виде татарского войска (в Тр. этого нет). В С1-Н4 этот фрагмент перенесен в описание битвы и завершает горестную речь Мамаю, которой нет ни в Рог.-Сим., ни в Н1 мл.» (Там же. С. 171). Отметим, что на самом деле фрагмент о москвичах-небывальцах читается в Повести (С1-Н4) не в завершение речи Мамаю, а выше, при описании ужасов боя. Именно в этом месте фрагмент о москвичах-новобранцах читался первоначально, в НЛ мл. же он был перенесен в другое место с заменой при этом дидактического высказывания по поводу бегства москвичей-небывальцев с поля боя, о причине чего скажем далее (см. коммент. к табл. 1, с. 340—341 наст. статьи).

за XIV в.,¹³¹ Н. И. Милютенко отрицает некоторые из отмеченных Я. С. Лурье случаев совпадения,¹³² отмечая при этом, что «в Тр. читаются заимствованные новгородские известия» и что «единственный случай обратного влияния (т. е. Тр. на НЛ мл.? — Л. С.) — это отредактированный в Новгороде серпуховской рассказ о Куликовской битве под 6888 г. Он же (т. е. «серпуховской» рассказ Тр.? — Л. С.) послужил одним из источников для С1, куда мог войти как через Н1 мл., так и в составе самостоятельной компилятивной Повести о Куликовской битве» (курсив мой. — Л. С.).¹³³

Первичность Повести по отношению к рассказу НЛ мл. можно продемонстрировать на примере фрагмента 29 (табл. 1), где в НЛ мл. пропущены при заимствовании слова Повести «И паки христоролюбивыи великии князь Дмитрии Иванович похвали дружину свою, иже», в связи с чем получилось, что крепко бились с ордынцами не русские воины, а Богородица.

Сходство рассказа НЛ мл. одновременно с рассказом Рог.—Сим. и Повестью можно, по нашему мнению, объяснить сводным характером НЛ мл.: ее составитель имел перед глазами два текста (рассказ свода 1408 г. и Повесть НСС). За основу был взят рассказ свода 1408 г. (объем НЛ мл. соответствует рассказу Рог.—Сим.), некоторые фрагменты которого опускались или редактировались. При этом составитель НЛ мл. постоянно сличал текст рассказа свода 1408 г. с Повестью, но уже летописной, входившей в свод 1418 г., из которой делал выписки, дополнительные к тем, которые уже сделал составитель свода 1408 г. (табл. 1 и коммент. к ней).

Для того чтобы проиллюстрировать изложенную гипотезу относительно истории текстов летописных повествований о Куликовской битве, приведем две таблицы — отдельно по первой и второй частям рассказа. В табл. 1 сопоставим по фрагментам летописную заметку в МАк., первую часть рассказа Рог., первую часть рассказа Бел. I и рассказ НЛ мл. с привлечением соответствующих чтений из текста Повести по НК2, текст которой ближе всех других к тексту Рог.—Сим. Некоторые варианты к НК2 приводятся по Голицынскому (далее — Г) и Новороссийскому (далее — Н) спискам Н1VЛ, а также по СЛЛ. Курсивом выделяются чтения Повести, заимствованные в свод 1408 г. (читаются в Рог). Чтения, заимствованные из Повести составителем НЛ мл. дополнительно к тем, которые были заимствованы составителем свода 1408 г., выделены разрядкой.

¹³¹ Я. С. Лурье полагал, что это можно объяснить как знакомством составителя свода митрополита Киприана (Тр.) с новгородским летописанием, так и обратным влиянием (Лурье Я. С. *Общерусские летописи XIV—XV вв.* С. 44, примеч. 87, 88).

¹³² Милютенко Н. И. Новгородская 1 летопись младшего извода... С. 172.

¹³³ Там же. С. 181.

Таблица 1

№	Заметка в МАк. (цит. по: ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Л., 1928. Стб. 536)	Рассказ в Бел. I (Нкф.) (цит. по: ПСРЛ. Т. 35. С. 29—30), с вариантами по Супр.	Рассказ в Рог. (цит. по: ПКЦ. С. 9—11), с вариантами по Сим.	Рассказ в НІЛ мл. (цит. по: ПКЦ. С. 22—23)	Фрагменты из Повести в составе НК2 (цит. по: ПКЦ. С. 65—82), с вариантами по НІВЛ (спискам Г и Н) и СІЛ ст.
1	В лѣто 6888. Ордынський князь Мамай, събравъ воя многы, поиде на великого князя Дмитрея Ивановича.	В лѣто 6888. Безбожнии князь [в Супр.: царь] Мамай събрав воя многа, всю свою силу безбожную татарскую, и всю землю Половецкую, и рать понаймова, фрязи и чръкасы, и с вѣми с ними поиде на великого князя Дмитрия Иоановича и на всю Руськую землю.	О воинѣ и о побоищи, иже на Вожѣ [в Сим.: на Дону]. Того же лѣта безбожнии злочестивыи ординский князь Мамай поганый, собравъ рати многы и всю землю Половецкую и Татарскую и рати понаймова, фрязы и черкасы и ясы, и со вѣми сими поиде на великаго князя Дмитрия Ивановича и на всю землю Русскую.	В то же лѣто,	Прииде ордынський князь Мамай съ единомысленики своими и съ вѣми прочими князьми ордынскими и съ всею силою Татарскою и Половецкою, еще же к тому рати понаймова бесермены, армени, фрязи, черкасы и ясы, и буртасы. <...> съ вѣми сими съвѣтники поиде на великого князя Дмитрия Ивановича [в НК2 далее идет текст, отсутствующий в СІЛ: и на брата его князя Володимера Андреевича] (НК2. С. 65).
2			<i>И бысть мѣсяца августа, приидоша от Орды вѣсти къ князю к великому Дмитрию Ивановичю, аже въздвизается рать татарская на христианы, поганый род измалтескыи.</i>	мѣсяца августа, приидоша вѣсти из Орды к великому князю Дмитрею и брату его князю Владимиру, якоже въздвизается на крестьяны измалтееский род поганый.	<i>И бысть мѣсяца августа, приидоша от Орды таковыя вѣсти къ христолюбивому князю</i> [в НК2 на полях и в Г в тексте: Дмитрию; в СІЛ: <i>Дмитрею Ивановичю</i>], <i>оже въздвизается на христианы измаилтеский род</i> (НК2. С. 66—67).

№	Заметка в МАК. (цит. по: ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Л., 1928. Стб. 536)	Рассказ в Бел. I (НКФ). (цит. по: ПСРЛ. Т. 35. С. 29—30), с вариантами по Супр.	Рассказ в Рог. (цит. по: ПКЦ. С. 9—11), с вариантами по Сим.	Рассказ в НЛЛ мл. (цит. по: ПКЦ. С. 22—23)	Фрагменты из Повести в составе НК2 (цит. по: ПКЦ. С. 65—82), с вариантами по НЛВЛ (спискам Г и Н) и СЛЛ ст.
3			И Мамаи <i>нечестивыи лють гнѣвашеся</i> на великаго князя Дмитриа <i>о своих друзѣх и любовницѣх и о князѣх, иже побиени бысть на рѣцѣ на Вождѣ</i> , подвижася силою многою, хотя плѣнити землю Русскую.	Нѣкоему убо у них худу царствующу, а всѣ дѣюущу у них князю Мамаю, и лють гнѣваюущся ему на великаго князя и на всю Рускую землю.	И сего ради <i>нечестивыи лють гнѣвашеся о своих друзех и любовницѣх, о князех, избиеных на рѣцѣ на Вожди</i> (НК2. С. 65—66). ... и рече имъ: «Поидемъ на рускаго князя и на всю землю Рускую» (НК2. С. 65).
4	То же слышавъ князь великий, събра воя многы и поиде противу.	Слышав же князь великийи Дмитрии Иоановичъ, събра воя многы, поиде противу его за свою отчину и за святыя церкви.	Се же слышавъ князь великийи Дмитриеи Ивановичъ, собравъ воя многы, поиде противу их, <i>хотя боронити своя отчины и за святыя церкви и за правовѣрную вѣру христианскую и за всю Русскую землю.</i>	Се же слышавъ князь великийи Дмитриеи Ивановичъ, яко грядеть на нь сила велика татарскаа, и събравъ многиа вои, и поиде противу безбожных татаръ,	И рече к брату своему князю Володимеру Андрѣевичу и всѣмъ княземъ и воеводамъ: «Поидемъ противу сего окааннаго и безбожнаго, и нечестиваго и темнаго сыроядца Мамаа <i>за правовѣрную вѣру христианскую, за святыя церкви</i> [в НК2 и НЛВЛ далее идет текст, отсутствующий в СЛЛ: и за вся младенца и старца] и за вся христианы». <...> И съвокупився съ всѣми князми рускими и съ всею силою и поиде противу ихъ вборзѣ с Москвы, <i>хотя боронити своя отчины</i> (НК2. С. 67—68).

5				а уповаа на милосердие Божие и на пречистую его мать Божию Богородицу, на приснодѣвицу Марию, призываа на помощь честныи крестъ.	И поиде с Коломны с великою силою противу безбожных татаръ мѣсяца августа 20, а уповая на милосердие Божие и на пречистую его мать Богородицу, на приснодевицу Марию, призываа на помощь честныи крестъ (НК2. С. 70).
6		И перееха за Оку, повѣдаша ему Мамаа за Доном, ждуща к собѣ на помощь рати литовское.	И переехавъ Оку, прииде ему накуи другыя вѣсти, повѣдаша ему Мамаа за Доном собравшася, в полѣ стояща и ждуща к собѣ Ягаила на помощь, рати литовские.		И прииде князю Дмитрию накуи другаа вѣсть: повѣдаша ему Мамаа за Дономъ събравшася и в полѣ стоаща, ждуща к собѣ на помощь Ягаила с Литвою... (НК2. С. 68—69). И начаши възитися [в СІЛ ст.: возитися] за Оку за неделю до Семеня дни, в день неделныи; и переехавше за рѣку, внидоша в землю Рязанскую (НК2. С. 70).
7		Князь же великий поиде за Дон.	Князь же великий поиде за Донь. И бысть поле чисто и велико зѣло.	И вниде бо в землю их за Донь.	Князю же переедшу [в СІЛ: Великий же князь Дмитрии Ивановичь переедѣ] за Донь (в) поле чисто, в Мамаеву землю [в СІЛ ст.: в Ординьскыя земля части, в СІЛ мл.: в Ординьскыя земли], на усть Непрядвы... (НК2. С. 73—74).

Таблица 1 (продолжение)

№	Заметка в МАк. (цит. по: ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Л., 1928. Стб. 536)	Рассказ в Бел. I (Нкф.) (цит. по: ПСРЛ. Т. 35. С. 29—30), с вариантами по Супр.	Рассказ в Рог. (цит. по: ПКЦ. С. 9—11), с вариантами по Сим.	Рассказ в НЛЛ мл. (цит. по: ПКЦ. С. 22—23)	Фрагменты из Повести в составе НК2 (цит. по: ПКЦ. С. 65—82), с вариантами по НЛЛ (спискам Г и Н) и СЛЛ ст.
8	И стрѣтошася за Дономъ на усть Непрядвы.	И ту стретошася полци за Доном на усть Непрядвы.	И ту срѣтошася <i>поганим</i> <i>половци</i> , татарьстии плъ- ци, бѣ бо поле чисто на усть Непрядвы.	И бѣ ту поле чисто на усть рѣцѣ Непрядвы.	И бысть в шестую годину дни начаша появливатися <i>поганим</i> <i>измаилтяне</i> в полѣ, <i>бѣ бо поле чисто и велико зѣло</i> (НК2. С. 74).
9			<i>И ту изоплъчишася обои</i> и устрѣмишася на бои, <i>и сосутушишася обои.</i>	И ту исполчишася татарове измаилтески род про- тиву крестьянъ. [в НЛЛ мл. соотв. текст см. во фр. 12: И абие съвѣкупишася (в Комисс. списке — състу- пишася) полкы обои].	<i>И ту исполчишася</i> татарстии полци противу христь- ан, <i>и ту срѣтошася полци</i> (НК2. С. 74). <i>И абие съступишася обоя</i> силы велиции вмѣсто на длѣгъ час... (НК2. С. 75).
10				Москвичи же мнози небывалци, видѣвше множество рати та- тарской, устрашишася и живота отчаявшись, а инии на бѣгы обра- тишася, не помянувши реченнаго пророкомъ, како единъ поженеть 1000, а два двигнета тму, аще не Богъ прѣдасть их.	Москвичи мнози небы- валци [в СЛЛ мл.: Мнози же небывалци москвичи] то видѣвше, устрашишася и живота отчаявшеся, [и на бѣгы обратившеся, и побѣгоша, — этого текста в СЛЛ ст. и мл. нет] а не помянуша, яко мученици глаголаху другъ къ другу: «Братъе, потерпим мало, зима яра, но рай сладокъ;

					и страсенъ мечь, но славно вѣнчание». <i>А инии сыны агаряны</i> [в СЛ ст.: Агарины] <i>на бѣгъ възвратишася</i> от клича велика, зряще злаго убиства (НК2. С. 76).
11				Великий же князь Дмитрии съ братомъ своимъ с Володиме-ромъ изрядивъ полкы противу поганыхъ половець и възрѣвъ на небо умныма очима, въздохнувъ из глубины сердца, рекоста слово псаломское: «Братие, Богъ намъ — прибѣжище и сила».	А отселѣ князь великий Дмитрии Иванович съ всѣми князьми рускими, изрядивъ полкы, поиде противу поганыхъ половець и съ всѣми ратьми своими. И възрѣвъ на небо умилныма очима и въздохнув из глубины сердца, рече слово псаломское: «Братие, Богъ намъ — прибѣжище и сила» (НК2. С. 75).
12			Ср. фрагмент 9 Рог.—Сим., где читается: «и сосупишася обои».	И абие съвъкупишася [в Комисс. списке — съступишася] полкы обои.	
13	И бысть сѣча зла, ака же не бывала в Руси.	И бысть сѣча люта чрес весь день сентебря 8, и падоша множдство безконечно [в Супр.: безъчислено] от обоих стран, множдство излише, якоже не бысть	И бысть на длъзѣ часѣ <i>брань крѣпка зѣло</i> и сѣча зла. Чресъ весь день сѣчахуся, и <i>падоша мертвых множдство бесчисленно от обоих.</i>	И бысть брань на длъгъ час зѣло.	И бысть сѣча зла и велика, и <i>брань крѣпка</i> , и трусь великъ <i>зѣло</i> , яко от начала миру сѣча такова не бывала великимъ княземъ рускимъ, якоже сему великому князю [в СЛ далее: Дмитрию Ивановичу и] вся Руси. Бьющим же ся им от шестаго часа до 9-го, и пролься кровь, аки дождева

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

№	Заметка в МАК. (цит. по: ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Л., 1928. Стб. 536)	Рассказ в Бел. I (Нкф.) (цит. по: ПСРЛ. Т. 35. С. 29—30), с вариантами по Супр.	Рассказ в Рог. (цит. по: ПКЦ. С. 9—11), с вариантами по Сим.	Рассказ в НЛ мл. (цит. по: ПКЦ. С. 22—23)	Фрагменты из Повести в составе НК2 (цит. по: ПКЦ. С. 65—82), с вариантами по НІVЛ (спискам Г и Н) и СІЛ ст.
		в Руской земли николи же [в Супр.: якоже не бысть в Руси николиже в Рускуи (так в ркп.) земли].			тучя, обоих: русских сынов и поганых, и множество безчислено падоша трупна мертвых от обоих (НК2. С. 75).
14	И поможе Богъ князю великому Дмитрию Ивановичу.	И поможе Бог князю великому Дмитрию Ивановичу.	И поможе Богъ князю великому Дмитрию Ивановичу.		
15		А Мамаевы полци поганьстии побѣгоша, а наши за ними, биючи и сѣкучи поганых без милости.	<i>А Мамаевы плѣци погании побѣгоша, а наши послѣ, биюще, сѣкуще поганых безъ милости.</i>		Видѣвше же христиане, яко татарове с Мамаемъ побѣгоша, и погнаша за ними послѣ, бующе и сѣкуще поганых без милости (НК2. С. 77).
16			<i>Богъ бо невидѣмою силою устраши сыны Агаряны, и побѣгоша, обрати плещи свои на язвы. И мнози оружием падоша, а друзии в рѣцѣ истопоша.</i>	И устраши Богъ невидимою силою сыны Агарины, и обратиша плещи на раны. И погнани быша от христианъ, ови же от оружия падоша, а инии в рѣцѣ истопишяся,	<i>Богъ бо невидимою силою устраши плѣкы татарскыя, и побѣжени [в Г: побѣгоша], обратиша [в Н: обрати] плещи своя [в Г: свои] на язвы. И в погонѣ тои ови и же татарове от христианъ язвени оружиемъ падоша, а друзии в рѣцѣ истопоша (НК2. С. 77).</i>
17		И гнаша их до реки до Мечи, и ту множество их избиша, а инии в рѣцѣ истопоша, им же не бѣ числа.	<i>И гнаша их до рѣкы до Мечи, и тамо множество их избиша, а друзии погрязоша в водѣ и потопоша.</i>	бесчисленное их множество.	<i>И гониша их до рѣкы до Мечи, и тамо бѣжащих бесчисленное множество побиха (НК2. С. 77).</i>

18			<i>Иноплѣмненци же гоними гнѣвом Божиимъ и страхом одрѣжими суще.</i>		И то видѣвше и прочии <i>иноплемненци, гоними гнѣвомъ Божиимъ и страхомъ одрѣжими суще</i> , от мала и до велика на бѣгъ устремишася (НК2. С. 77).
19		И утече Мамаи в свою землю не в мнозѣ силѣ.	И убѣжа Мамаи в малѣ дружинѣ в свою землю Татарскую.		Тогда же <i>Мамаи</i> не въ мнозѣ <i>убѣжа</i> [в СИЛ и НИУ далее: и <i>прибѣжа</i>] <i>въ свою землю</i> [в СИЛ: в землю свою] <i>в малѣ</i> [в СИЛ: не во мнозѣ] <i>дружинѣ</i> , видя себя бита и побѣжена и посрамлена и поругана (НК2. С. 81).
20		Дата битвы читается в Бел. I в 13-м фрагменте.	Се бысть побоище <i>мѣсяца сентября въ 8 день, на Рожество святыя Богородица, в субботу до обѣда.</i>	Дата битвы читается в НИЛ мл. в 26-м фрагменте.	Заутра же <i>в субботу</i> [в Г далее: <i>порану</i>] <i>мѣсяца сентября 8 день</i> , в самыи праздникъ Госпожинѣ [в НИУЛ далее: день; в СИЛ ст.: в самыи праздникъ <i>Рожества Пречистыя</i>], въсходящу солнцу, и бысть тма велика по всеи земли.... (НК2. С. 73).
21	И ту убѣени быша на суимѣ князь Федоръ Романовичъ Бѣлоозерскыи, сынъ его князь Иванъ, Семень Михайловичъ, Микула Васильевичъ, Михаилу Ивановичъ,	А князь великий стоял на побоищи, жалья по своих, яже ту побieni быша мнози, имже не бѣ числа, иже дерзновение и храбрость показаша по православнѣи вѣрѣ. В них же убо бѣаше не мало князеи русских и бо-	И ту убieni быша на суимѣ князь Федоръ Романовичъ Бѣлозерскыи, сынъ его князь Иванъ Федорович, Семень Михайлович, Микула Василичевич, Михаилу Ивановичъ <i>Окинфович</i> , Андреи Серкизовъ, Тимофѣи Волуу, Миха-	А на съвокупѣ убieni бысть тогда князь Бѣлозерскыи Федоръ и сынъ его князь Иванъ.	Тогда же на томъ побоищи убieni быша на съступѣ князь Федоръ Романовичъ Бѣлозерскыи, и сынъ его [в СИЛ далее: князь] Иванъ, князь Федоръ Торускыи, братъ его князь Мстислав, князь Дмитрии Манастырев, Семень Михайловичъ, Микула Васильевъ сынъ тысяцкого [в СИЛ далее:

Таблица 1 (продолжение)

№	Заметка в МАК. (цит. по: ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Л., 1928. Стб. 536)	Рассказ в Бел. I (Нкф.) (цит. по: ПСРЛ. Т. 35. С. 29—30), с вариантами по Супр.	Рассказ в Рог. (цит. по: ПКЦ. С. 9—11), с вариантами по Сим.	Рассказ в НІЛ мл. (цит. по: ПКЦ. С. 22—23)	Фрагменты из Повести в составе НК2 (цит. по: ПКЦ. С. 65—82), с вариантами по НІУЛ (спискам Г и Н) и СІЛ ст.
	Ондрѣи Серкизовъ, Тимофѣи Волуи, Михайло Бренъковъ, Левъ Морозовъ, Семень Меликъ, Олександр и инии мнози.	ляр великих много множдество, христоименитых же людии без числа от остря мечем [в Супр.: от остра меча] падоша. Им же буди вѣчная память.	ило Бренковъ, Левъ Морозовъ, Семень Меликъ, Александръ <i>Пересвѣтъ</i> и инии мнози.		князь Володимерь Дорогобужьскыи Голова, Иванъ Иванович Толбуга], Михаила Иванов Акинфовичъ [в СІЛ: <i>Окинфович</i>], Иван Александровичъ, Андрѣи Серкизов, Тимофеи Васильевичъ Акатъевичъ, нарицаемыи Волуи, Михайло Бренков, Левъ Морозов, Семен Меликов [в СІЛ: Меликъ], Дмитрии Мининичъ, Александръ <i>Пересвѣтъ</i> , бывыи прежде болярин брянскыи, и инии мнози... (НК2. С. 77—78).
22				А инии князи и воеводы погнашяся по иноплеменницѣхъ.	
23				От страха Божиа и от оружиа христианскаго падаху безбожнии татарове.	Безбожнии же татарове от страха Божия и от оружиа христианскаго падаху (НК2. С. 77).
24				И възнесе Богъ десницу князя великого Дмитрея Ивановича и брата его князя Володимера Андрѣевича на побѣду иноплеменник.	И възнесе Богъ десницу нашего князя на побѣду иноплеменникъ (НК2. С. 77). Ср.: И възнесе Богъ десницею великого князя Дмитрия Ивановича на побѣду иноплеменникъ. (СІЛ ст. С. 38).

25				<p>Се же бысть грѣхъ ради наших: въоружаются на ны иноплеменници, да быхом ся отступили от своих неправдъ, от братоненавидѣния, и от сребролюбиа, и в неправды судящих, и от насилиа. Нъ милосердъ бо есть Богъ и челоуѣколюбець, не до коньца прогнѣвается на ны, ни вѣкы враждуеть.</p>	<p>Се же бысть грѣхъ ради наших: въоружаются на ны иноплеменници, да быхомъ ся отступили от своихъ неправдъ, от братоненавидѣния, и от сребролюбиа, и в неправды [в СІЛ ст., Г: неправду] судящих, и от насилья [в СІЛ ст.: насилиа]. Но милосердъ бо есть Богъ челоуколюбець [в СІЛ ст.: благи челоуѣколюбець Богъ], не до конца прогнѣвается на ны, ни вѣкы враждуеть (НК2. С. 79).</p>
26			<p>В Рог. дата битвы приведена выше, см. фрагмент 20.</p>	<p>Сиа же съдѣся побѣда князю великому мѣсяца септября въ 8, на Рожество святѣи Богородици, в субботу.</p>	
27	<p>Князь же великий Дмитрии Ивановичъ съ прочими князи рускими и воеводами ставъ на костех и похвали Бога</p>	<p>Богу же нашему слава, показавшему своему достоянню крѣпкое воеводство и побѣду на поганья.</p>	<p>Князь же великий Дмитрии Ивановичъ съ прочими князи рускими и съ воеводами <i>и с бояры</i> и с вельможами <i>и со остаточными плѣки русскими</i>, ставъ на костех, благодари Бога.</p>	<p>Князь же великий Дмитрии съ братомъ своимъ съ княземъ Володимеромъ, ставъ на костех татарскихъ.</p>	<p>Князь же Дмитрии с братомъ своимъ Володимеромъ и съ князи рускими, и воеводами, <i>и прочими бояры и съ всѣми вои оставшимися</i> став тое ноши на поганыхъ обѣдишех, на костех татарскихъ <...> велико <i>благодарение принесе</i> Богу, такую побѣду давшему на поганья (НК2. С. 80).</p>

Таблица 1 (продолжение)

№	Заметка в МАК. (цит. по: ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Л., 1928. Стб. 536)	Рассказ в Бел. I (Нкф.) (цит. по: ПСРЛ. Т. 35. С. 29—30), с вариантами по Супр.	Рассказ в Рог. (цит. по: ПКЦ. С. 9—11), с вариантами по Сим.	Рассказ в НІЛ мл. (цит. по: ПКЦ. С. 22—23)	Фрагменты из Повести в составе НК2 (цит. по: ПКЦ. С. 65—82), с вариантами по НІVЛ (спискам Г и Н) и СІЛ ст.
28	и того всенепорочную мать.			И многа князи рускиа и воеводы с прехвалными побѣдами и похвалами прославиша пречистую мать Божию Богородицу,	И мнози князи рустии и воеводы прехвалными похвалами прославиша пречистую мать Божию Богородицу.
29		Следы похвалы воинам см. в первом абзаце фрагмента 21 перед списком убитых: «...иже дерзновение и храбрость показаша по православнѣи вѣрѣ».	<i>И похвали похвалами дружину свою, иже крѣпко бишася съ иноплѣмненники и твердо за нь брашася и мужьскы храброваша и дрѣзнуша по Бозѣ за вѣру христианскую.</i>	крѣпко бравшееся съ иноплеменики за святя Божиа церкви, за правовѣрную вѣру, за всю Рускую землю.	<i>И паки христоробивый князь похвали дружину свою, иже крѣпко бишася съ иноплеменики и твердо забрашася [в СІЛ последних трех слов нет], и мужьскы храброваша, и дрѣзнуша по Бозѣ за вѣру христианскую (НК2. С. 80—81).</i>
30	И възвратиса въ свою отчину, побѣдивъ своя врагы.	Князь же великий Дмитрии Иоановичъ възвратиса в свою отчину на Москву с великою побѣдою.	И възвратиса оттуду на Москву въ свою отчину с побѣдою великою, одолѣ ратным, побѣдивъ врагы своя.	А сам пришелъ Богомъ хранимъ въ град Москву, въ отчину свою, съ своимъ братомъ с Володимеромъ.	И възвратиса оттуду в богохранимыи град Москву, въ свою отчину, с побѣдою великою, одолѣ ратнымъ, побѣдивъ врагы своя (НК2. С. 81).
31			<i>И мнози вои его возрадовашася, яко обрѣтающе користь многу, погна бо с собою многа стада кони и велблуды и волю, имже нѣсть числа, и доспѣх, и порты, и товарь.</i>		<i>И мнози вои его възрадовашася, яко обрѣтающе користь многу, пригнаши [в СІЛ ст.: пригнаша бо] с собою многа стада кони, и велбуди, и волю, им же нѣсть числа, и доспѣх, и порты, и товарь (НК2. С. 81).</i>

По результатам пофрагментного сопоставления летописных текстов о Куликовской битве можно отметить следующее: 9 фрагментов, на которые мы разбили рассказ МАк., восходящий к своду 1392 г., в своде 1408 г. превратились в 21 фрагмент. Причем из 9 фрагментов МАк. (свода 1392 г.) только 1 не был дополнен в своде 1408 г. (14-й). Сообщение о благодарении Богородице (фрагмент 28) было опущено. 7 фрагментов МАк. (свода 1392 г.) в своде 1408 г. были дополнены по Повести (1, 4, 8, 13, 21, 27, 30), по Повести же были внесены в свод 1408 г. 13 новых фрагментов, отсутствующих в МАк. (2, 3, 6, 7, 9, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 29, 31).

В Повести есть фразы, совпадающие с фразами или сообщениями краткой заметки о Куликовской битве (фрагменты 1, 13, 21, 27, 28, 30). Это свидетельствует о знакомстве автора Повести с текстом летописной заметки под 1380 г. в «Летописце великом русском», но в силу чрезвычайной краткости заметки невозможно говорить о создании Повести на ее основе. Не исключено, что Повесть создана летописцем великого князя Дмитрия Ивановича, внесшим в «Летописец великий русский» под 1380 г. краткую заметку о битве с Мамаем.

Составитель рассказа в своде 1408 г. воспользовался внелетописной Повестью до того, как в нее были внесены некоторые добавления (вероятно, при включении в свод Фотия 1418 г.). Эти добавления не отражены в текстах Рог.—Сим. и Бел. I, восходящих к своду 1408 г. По всей вероятности, составитель свода Фотия 1418 г. добавил в текст Повести ошибочное сообщение, что бой проходил в Ордынской земле (фрагмент 7), внес ошибочное определение «татарских» в выражении «ставъ на костех» (фрагмент 27). Во второй части Повести в первоначальный текст ошибочно внесена фраза «И бысть имъ бои, и царь Тахтамышъ побѣди Мамаа и прогна его» (см. коммент. к табл. 2).

В первоначальный текст Повести впоследствии (возможно, тоже при включении в свод Фотия 1418 г.) были добавлены имена в список убитых на Куликовом поле. Помимо имен, читающихся в МАк. и Рог.—Сим. (они совпадают с именами в Синодик), в дошедшем тексте Повести названы в общей сложности еще 7 имен. В НК2 и НІVЛ читается 5 имен (князь Федор Тарусский, брат его князь Мстислав, князь Дмитрий Монастырев, Иван Александрович, Дмитрий Мининич). Кроме того, здесь поясняется имя Миккулы Васильевича («сынъ тысяцкого») и имя Александра Пересвета («бывши прежде болярин брянскии»). В Карамзинский список СІI ст. добавлены еще два имени: князь «Володимерь Дорогобужский Голова» и Иван Иванович Толбуга. Если все воины, названные в сводах 1392 и 1408 г., действительно погибли на Куликовом поле (их имена совпадают с именами, включенными в древний Синодик), то в «Летописную повесть» некоторые имена были добавлены ошибочно. Как отметила М. А. Салмина, Дмитрий Мининич (правильнее — Минич или Минин) и Дмитрий Монастырев, судя по летописным данным, пали не на Куликовом поле: первый — в 1368 г. в битве с Ольгердом, второй — в 1378 г. в битве на Воже.¹³⁴ Не решен окончательно и вопрос о том, в какой битве погибли Федор Тарусский и его брат Мстислав, о чем говорилось выше.

¹³⁴ Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве... С. 371.

Отмечавшиеся исследователями дублировки в первой части рассказа Рог.—Сим. возникли в своде 1408 г. при дополнении заметки свода 1392 г. вставками из Повести. Дублировки в большинстве случаев объясняются не сведением двух источников, а другими причинами, в том числе заимствованием текста из Повести, где уже были эти повторы.¹³⁵

Перечислим отмеченные исследователями в Рог.—Сим. дублировки,¹³⁶ большинство из которых были ликвидированы в Бел. I и НЛ мл. при редактировании рассказа, читавшегося в своде 1408 г.

1. «Князь же великий поиде за Донь. *И бысть поле чисто и велико зѣло*» (фрагмент 7) — «И ту срѣтошася погании половци, татарьстии плъци, *бѣ бо поле чисто* на усть Непрядвы» (фрагмент 8).

Эта дублировка возникла в результате того, что при заимствовании текста Повести в рассказе рядом оказались два фрагмента, в Повести разделенных риторическим пассажем автора и молитвой князя Дмитрия Ивановича: «Князю же перешедшу за Донь *в поле чисто* в Мамаеву землю на усть Непрядвы» (НК2. С. 73—74); «И бысть в шестую годину дни начаша появливатися погании измаилтяне в полѣ, *бѣ бо поле чисто и велико зѣло*» (НК2. С. 74). При этом словосочетание «и велико зѣло», читающееся в Повести во втором фрагменте, в своде 1408 г. было перенесено в первый фрагмент.

2. «И бысть на длъзѣ часѣ брань крѣпка зѣло и сѣча зла...» (фрагмент 13) — «Чресъ весь день сѣчухуся...» (фрагмент 13).

Эти сообщения читаются в Рог.—Сим. в одном фрагменте. В основе первой фразы лежит текст свода 1392 г., добавления внесены по тексту Повести (см. Приложение, фрагмент 13). Вторая фраза внесена составителем свода 1408 г. Однако она не дублирует, а лишь дополняет, уточняет сообщение первой фразы.

3. «А Мамаевы плъци погании *побѣгоша*, а наши послѣ, биюще, сѣкуще поганых безъ милости» (фрагмент 15) — Богъ бо невидѣмою силою устраши сыны Агаряны, *и побѣгоша, обрати плещи свои на язвы*» (фрагмент 16).

Вторая фраза в рассказе следует непосредственно за первой, обе они заимствованы составителем свода 1408 г. из Повести, где вторая фраза также следует за первой: «Видѣвше же христиане, яко *татарове с Мамаемъ побѣгоша*, и погнаша за ними послѣ, бующе и сѣкуще поганых без милости. Богъ бо невидимою силою устраши плъкы татарские, *и побѣжени, обратиша плещи своя на язвы*» (НК2. С. 77). Таким образом, в данном случае дублировка идет от заимствованного из Повести текста.

4. «И мнози оружием *падоша*, а друзии в *рѣцѣ истопоша*» (фрагмент 16) — И гнаша их до рѣкы до Мечи, *и тамо множество их избиша, а друзии погрязоша в водѣ и потопоша* (фрагмент 17).

Эта дублировка также объясняется заимствованием из текста Повести, где вторая фраза, как и в Рог.—Сим., непосредственно следует за первой: «И в погонѣ той овии же татарове от христианъ, язвени *оружиемъ, падоша*, а друзии в *рѣцѣ истопоша*. И гониша их до рѣкы до Мечи, *и тамо бѣжащих бесчисленное множество побиша*» (НК2. С. 77).

¹³⁵ Утверждение А. К. Зайцева, что дублировок 1—6 рассказа Рог.—Сим. в «Летописной повести» НЛ и СЛ нет, неверно (см.: *Зайцев А. К. Памятники Куликовского цикла...* С. 45).

¹³⁶ Из 6 дублировок 1, 2, 4 и 5 указаны А. А. Шахматовым, 3-я — В. А. Кучкиным, 6-я — Л. А. Дмитриевым. Суммарно перечислены А. К. Зайцевым (Там же. С. 44).

5. *«И убѣжа Мамаи в малѣ дружинѣ въ свою землю Татарьскую»* (фрагмент 19) — *«Тогда же Мамаи не во мнозѣ утече с Доньского побоища и прибѣже въ свою землю в малѣ дружинѣ...»* (фрагмент 36).

В этом случае дублировка возникла в тексте рассказа в результате того, что составитель свода 1408 г. внес в первую часть рассказа, в то место, где говорится о бегстве татар с поля боя, фразу о бегстве и самого Мамаи в «свою землю». Эта фраза заимствована им из второй части рассказа (где она тоже присутствует), из фрагмента, повествующего о судьбе Мамаи.

6. *«И возвратися оттуду на Москву, въ свою отчину, с побѣдою великою, одолѣ ратным, побѣдивъ врагы своя»* (фрагмент 30) — *«Князь же великий, послушавъ их [рязанских послов] и приим челобитие их, не остави их слова, рати на них не посла, а сам поиде въ свою землю, а на Рязанском княженъи посади свои намѣстници»* (фрагмент 35).

Эта дублировка сообщения о возвращении князя Дмитрия с поля боя в Москву вызвана ошибкой составителя свода 1408 г. Послов Рязанской земли Дмитрий Иванович принимает уже в Москве (о его возвращении сказано в конце первой части), но составитель свода 1408 г., говоря во второй части рассказа о том, что великий князь рать на рязанцев не послал, ошибочно добавляет при этом: «а сам поиде въ свою землю» (это чтение присутствует и в Бел. I, также восходящей к своду 1408 г.).

Итак, первые четыре пары дублировок читаются в первой части рассказа, в тексте, повествующем о ходе сражения. В трех случаях (№ 1, 3, 4) дублировки в Рог.—Сим. объясняются тем, что они уже присутствовали в тексте Повести, из которого делались вставки в текст летописной заметки свода 1392 г. с целью подробнее рассказать о битве. В трех случаях (№ 2, 5 и 6) дублировки объясняются добавлениями в текст составителя свода 1408 г., причем в № 5 он вставил в первую часть рассказа фразу, которая читается во второй части, где она тоже сохранена. Таким образом, дублировки не являются результатом «использования двух родственных, сходных текстов по-разному», как предполагали исследователи, в частности А. К. Зайцев.¹³⁷

Рассказ о Куликовской битве свода 1408 г. был по-разному отредактирован при включении его в свод 1412 г. (протограф Рог.—Сим.), в Бел. I и НЛ мл. В своде 1412 г. рассказ о Куликовской битве передан, очевидно, наиболее близко к своду 1408 г. Можно отметить лишь незначительные добавления и мелкие стилистические изменения. Вероятно, именно в своде 1412 г. рассказы о битве на Воже 1378 г. и о битве на Дону 1380 г. (как и некоторые другие статьи) были озаглавлены, но заглавия здесь были, по-видимому, еще вписаны на полях: в Рог. и Сим. они вписаны киноварью то в тексте, то на полях. Заглавие статьи 1380 г. в Рогожском летописце дано ошибочно: «О воинѣ и о побоищѣ, иже на Вожѣ» (ср. в Сим.: «О великомъ побоищи, иже на Дону»). Отметим, что летописные статьи 1380 г. в МАк. и НЛ мл. не озаглавлены.

В Бел. I рассказ отредактирован стилистически, повествование в нем более лаконичное, опущены отдельные слова и словосочетания, дублирующие уже сказанное. Главное его отличие от Рог.—Сим. — в нем отсутствует список убитых на Куликовом поле (см. в табл. 1 фрагмент 21).

В НЛ мл. рассказ, читавшийся в своде 1408 г., был отредактирован более существенно. Составитель НЛ мл. создал сводный текст: взятый за основу

¹³⁷ Там же. С. 45.

рассказ свода 1408 г. был расширен им за счет самостоятельных заимствований из Повести, уже входившей в летописный свод 1418 г. В НЛЛ мл. читается 8 новых фрагментов, заимствованных из Повести (5, 10, 11, 22, 23, 24, 25, 28), а во фрагменты 7-й и 27-й внесены отдельные словосочетания по Повести.

В НЛЛ мл. вслед за Повестью утверждается, что русские полки, перейдя Дон, вступили на территорию Орды: вместо чтения «Князь же великий поиде за Донъ» (Рог.) в НЛЛ мл. читается: «... и *вниде бо в землю их за Донъ*». Этот текст основан на следующем чтении Повести: «Великий же князь Дмитри[и] Иванович перешед за Донъ в поле чисто *в Ординьскыя земля части* [так в С1Л ст.; в НК2 и Н1VЛ: «в Мамаеву землю». — Л. С.] на усть Непрядвы». Однако это сообщение ошибочно: на самом деле битва проходила на территории Рязанского княжества.¹³⁸ Выделенные курсивом слова, по всей видимости, принадлежат не автору Повести, создававшему ее вскоре после битвы, а внесены в Повесть позднее, вероятно, при включении ее в общий протограф С1Л и Н1VЛ (летописный свод Фотия 1418 г.). Косвенным подтверждением этого может служить отсутствие сообщения о том, что битва проходила на Ордынской земле, в своде 1408 г., составитель которого воспользовался Повестью до включения ее в летописный свод 1418 г. Из этого следует вывод, что если дополнения в свод 1408 г. вносились по отдельному (вне летописного свода бытовавшему) списку Повести, то правка рассказа НЛЛ мл. проходила уже по тексту свода 1418 г., а следовательно, после 1418 г. (два ранних списка НЛЛ мл. — Академический и Комиссионный — датируются второй половиной 40-х—50-ми гг. XV в.).

Сообщение о Мамае (фрагмент 3) в НЛЛ мл. переработано. Здесь в отличие от Рог. «более четко и исторически совершенно точно указано на положение в Орде Мамае: формально власть в государстве принадлежала хану («некоему... худу», подразумевается, очевидно, хан Тулунбек), фактически же всеми делами заправлял Мамай».¹³⁹

Рассказ НЛЛ мл. можно определить как новгородскую редакцию рассказа о Куликовской битве, в которой отразилось недоброжелательное отношение

¹³⁸ В. А. Кучкин считает, что земли по Непрядве и Дону являлись частью территории Рязанского или Елецкого княжества ([Кучкин В. А.]. Рассказ о Куликовской битве в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи. С. 17, примеч. 14). Что касается сообщения НЛЛ мл. о том, что русские войска вступили на территорию Орды, то, по мнению В. А. Кучкина, оно принадлежит, вероятнее всего, новгородскому летописцу, плохо знакомому с политическими границами в районе верхнего Дона ([Кучкин В. А.]. Рассказ о Куликовской битве в Новгородской I летописи. С. 27, примеч. 3). Добавим к этому, что в «Задонщине» как о поле битвы говорится о Рязанской земле. После сообщения о гибели Пересвета автор Пространной редакции «Задонщины» замечает: «И в то время по Рязанской земле около Дону ни ратаи, ни пастухи в полъ не кличют, но едины вороны грают трупы ради челоуѣчския» (РГБ, собр. Ундольского, № 632, л. 184).

«Задонщина» сообщает верное сведение о владельческой принадлежности Куликова поля в эпоху Куликовской битвы. Ранее (с 1340-х гг.) Тульской землей управляли баскаки ханши Тайдулы. После гибели Тайдулы (1361) во время «замятни» эта территория стала бесхозной и отошла к рязанскому князю Олегу. Находившийся ниже Тулы летописный Дубок (городище Устье), к которому относилось Куликово поле, упоминается как рязанский в 1378 г. в рассказе о разгроме ратью Мамае Дубка и Переяславля Рязанского после битвы на реке Воже. По договору 1381 г. Тула (в обмен на Лопасно и др.) отошла Москве (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. № 10. С. 29), а Дубок и Куликово поле остались за Рязанью. За эти исторические сведения выражаю глубокую благодарность Андрею Валентиновичу Кузьмину.

¹³⁹ [Кучкин В. А.]. Рассказ о Куликовской битве в Новгородской I летописи. С. 27.

к «москвичам» во фрагменте 10, заимствованном из Повести (в Рог.—Сим. его нет). В Повести некоторые москвичи-«небывальцы» «устрашились» и бежали во время ожесточенной сечи. Согласно же НЛ мл., москвичи-«небывальцы» уже перед боем «устрашились» одного вида татарской рати, забыв, что если Бог не предаст, то один победит тысячу, а «два двигнета тму». Интересно, что составитель НЛ мл. заменяет при этом дидактическое замечание по поводу бежавших с поля боя: высказывание 40 севастиийских мучеников (точнее, его перефразировку: «Братье, потерпим мало, зима яра, но рай сладок; и страстенъ мечь, но славно вѣнчание») заменяется на высказывание Моисея (Второзак. 32:30) о том, что «единъ поженеть 1000, а два двигнета тму, аще не Богъ прѣдасть их».¹⁴⁰ Это существенно меняет смысл дидактического заключения в НЛ мл. по сравнению с Повестью: цитата из Второзакония органично вписывается в последовательно проведенную в НЛ мл. мысль о Божьей помощи русскому князю, возлагавшему надежду на Бога, Богородицу и честный Крест, она является «семантическим стержнем повествования» в рассказе НЛ мл.¹⁴¹ Нельзя согласиться с мнением А. К. Зайцева о первичности текста в рассказе НЛ мл. и обратной замене приведенных цитат:¹⁴² рассказ в НЛ мл. строится на двух источниках, одним из которых была Повесть в составе свода 1418 г.

Еще одна особенность НЛ мл. состоит в том, что в ней в числе убитых на поле Куликовом названы имена только белозерских князей. Поскольку список убитых читался уже в своде 1392 г. и в своде 1408 г., нет сомнений, что составитель НЛ мл. сократил список, назвав только имена князей соседнего с Новгородским Белозерского княжества.

К особенностям НЛ мл. относится и постоянное упоминание вместе с именем Дмитрия Ивановича имени его двоюродного брата Владимира Андреевича Серпуховского. В. А. Кучкин счел это характерной особенностью Повести в составе СЛ, однако в ней (при гораздо большем объеме) имя Владимира Андреевича встречается всего четыре раза с добавлением при этом и «всех князей русских» (в начале Дмитрий призывает в поход брата и всех князей русских и затем обращается к ним с речью, потом говорится о встрече Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем у Оки, а в конце Повести Дмитрий Иванович вместе с братом и со всеми князьями, воеводами и воинами «стоит на костях», принося благодарение Богу). А в кратком тексте НЛ мл. имя Владимира Андреевича читается 5 раз.

Отличительной особенностью рассказа НЛ мл. являются также хорошо продуманные, последовательные предложения, суммированные А. К. Зайцевым. Он полагает, что именно в НЛ мл. рассказ «прошел ... некоторую церковную обработку».¹⁴³ Уточним: источником внесенных предложений послужила «Летописная повесть». Логика этих предложений следующая: Дмитрий уповаet на помощь Бога, Богородицы и честный Крест; Бог не предаст, и поэтому один воин победит тысячу врагов, а «два двигнета тму».

¹⁴⁰ Дмитриев Л. А., Лихачева О. П. Историко-литературный комментарий // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 390—391 (примеч. к с. 21).

¹⁴¹ Филошкин А. И. «Куликовский цикл»: Опыт герменевтического исследования // Куликово поле: Вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 175.

¹⁴² Зайцев А. К. Памятники Куликовского цикла... С. 51.

¹⁴³ Там же. С. 46—47.

* * *

В Рог. и Сим., а также в Бел. I после первой части идет вторая часть — текст, которого нет в МАк. и НЛЛ мл. Сопоставим по фрагментам текст второй части рассказа Рог.—Сим. и Бел. I с соответствующим текстом Повести. Разрядкой в тексте Рог. выделены добавления в текст Повести составителя свода 1408 г. и (или) составителя свода 1412 г. (протографа Рог. и Сим.).

Т а б л и ц а 2

№	Повесть о Куликовской битве (НК2) (цит. по: ПКЦ. С. 81—82), варианты по Голицынскому списку НІVЛ (Г) и СІЛ ст.	Рассказ в Рог. (цит. по: ПКЦ. С. 10—11), варианты по Сим.	Рассказ в Бел. I (Нкф.) (цит. по: ПСРЛ. Т. 35. С. 30), варианты по Супр.
32	Повѣдаша князю великому, что князь Олегъ Резаньскій посылалъ Мамаю на помощь свою силу, а самъ на рѣках мосты переметалъ.	Тогда повѣдаша князю великому, что князь Олѣгъ Рязаньскій послалъ [в Сим.: посылалъ] Мамаю на помощь свою силу, и самъ на рѣках мосты перемѣталъ.	И поведаша князю великому Дмитрию Иоановичу, што жь [в Супр.: что же] князь Олегъ рязаньскій посылалъ [в Супр.: послалъ] на помощь Мамаю свою силу, а сам на рѣках мосты переметал.
33	А кто поехалъ с Доновского побоища въ свояси сквозѣ его отчину, Рязаньскую землю, бояре или слуги, а тѣхъ велѣлъ имати и грабити и нагих пуцати.		
34	Князь же Дмитрии про то въсхоте на Олга послати рать [в Г далее: свою]. И се внезапно прихаша к нему бояре рязанстии и повѣдаша, что князь Олегъ поврѣгъ свою землю, да самъ побѣжалъ и съ княгинею и с дѣтми и з бояры. И молиша его много о семь [в Г: о семь], дабы на них рати не послалъ, а сами биша ему челом и рядишася у него в ряд.	Князь же великии про то въсхотѣ на Олга послати рать свою. И се внезапно в то врѣмя прихаша к нему бояре рязанстии и повѣдаша ему, что князь Олегъ повергъ свою землю, да сам побѣжалъ и со княгинею и з дѣтми и с бояры и з думцами своими. И молиша его о сем, дабы на них рати не слал, а сами биша ему челом и рядишася у него в ряд.	И князь великии въсхотѣ послати на нь свою силу. И се приехали к нему боярѣ рязаньскіи, повѣдаша ему, што князь Олегъ поврѣга свою землю и побѣжал с княгинею и с дѣтми и с единомыслеными своими. И молиша много князя великого, дабы на них рать не послал, и рядишася у него.
35	Князь же [в СІЛ ст.: Великии же князь] послуша их и примѣ челобитѣ их, рати на них не посла, а на Рязанскомъ княженіи посади своя намѣстники [в Г: свои намѣстники].	Князь же великии, послушавъ их и примѣ челобитие их, не остави их слова, рати на них не посла, а сам поиде въ свою землю, а на Рязанскомъ княженіи посади свои намѣстники.	Князь же великии не остави слова их, поиде в свою землю, а на Рязани посади своя [в Супр.: свои] намѣстники.

Т а б л и ц а 2 (продолжение)

№	Повесть о Куликовской битве (НК2) (цит. по: ПКЦ. С. 81—82), варианты по Голицынскому списку НІVЛ (Г) и СІЛ ст.	Рассказ в Рог. (цит. по: ПКЦ. С. 10—11), варианты по Сим.	Рассказ в Бел. I (Нкф.) (цит. по: ПСРЛ. Т. 35. С. 30), варианты по Супр.
36	Тогда же Мамаи не въ [в Г: во] мнозѣ убѣжа [в Г далее: и прибѣжа] въ свою землю в малѣ [в СІЛ ст.: не во мнозѣ] дружинѣ, видя себе бита и бѣжавша, и посрамлена, и поругана, пакы гнѣвашся [в Г далее: и яряся зѣло, съмущашся].	Тогда же Мамаи не во мнозѣ утече с Д о н ь - ского побоища и прибѣже въ свою землю в малѣ дружинѣ, видя себе бита и бѣжавша и посрамлена и поругана, пакы гнѣвашся, н е и с т о в я - с я, яряся и съмущашся.	Тое же осени прибѣг Мамаи в свою землю.
37	И събра остаточную [в Г: останочную] свою силу, хотя [в Г, СІЛ ст.: еще восхотѣ] ити изгономъ пакы [в СІЛ ст.: изгономъ ити] на Русь.	И собраша останочную свою силу, еще въсхотѣ ити изгоном пакы н а в е - л и к а г о к н я з я Д м и - т р е я И в а н о в и ч а и на всю Русскую землю.	И собра останочную свою силу, въсхотѣ пакы изгоном поити на великого князя Дмитрия Иоановича, на Рускую землю.
38	Сице же ему умыслившу, и се прииде ему вѣсть, что идет на него нѣкьи царь съ востока [в Г: востока] именовъ Тохтамышъ из Синие Орды.	Сице же ему умыслшю, и се прииде ему вѣсть, что идет на него нѣкьи царь со востока именовъ Токтамышъ изъ Синее Орды.	И прииде ему вѣсть, что идетъ на него царь Тактамышъ ис Синее Орды.
39	Мамаи же, юже уготоваль рать на ны, с тою ратию готовою и [в Г союза и нет] поиде противу его. И стрѣтошася на Калкахъ.	Мамаи же, еже уготовал на ны рать, с тою ратию готовою поиде противу его. И срѣтошася на Калках.	Он же иде [в Супр.: поиде] противу его. И срѣтошася полци обои.
40	И бысть имѣ бои, и царь Тахтамышъ побѣди Мамаа и прогна его.		
41	Мамаевы же князи, сшедше с конь [в Г: коней] своих, и биша челомъ царю Тахтамышу, и даша ему правду по своей вѣрѣ, и яшася за него, а Мамаа оставиша поругана. Мамаи же то видѣвъ и скоро побѣжа съ своими единомысленики.	Мамаевы же князи, сшедше с коней своих, и биша челом царю Токтамышу и даша ему правду по своей вѣрѣ, и пиша к нему р о т у, и яшася за него, а Мамаа оставиша я ко поругана. Мамаи же то видѣвъ, и скоро побѣжа со своими думцами и съ единомысленики.	И абие Мамаевы князи, съшед с коней, биша чолом [в Супр.: челомъ] царю Тактамышю. Мамаи же, то видѣвъ, побѣже с единомысленики своими.
42	Царь же Тахтамышъ [в СІЛ ст.: Тактамышъ] посла за ними [в СІЛ ст., Г.: за ним] в погону [в СІЛ ст., Г.: в погоню] воя своя.	Царь же Токтамышъ посла за ним в погоню воя своя.	Царь же посла за ним воя своя.

Т а б л и ц а 2 (продолжение)

№	Повесть о Куликовской битве (НК2) (цит. по: ПКЦ. С. 81—82), варианты по Голицынскому списку Н1УЛ (Г) и С1Л ст.	Рассказ в Рог. (цит. по: ПКЦ. С. 10—11), варианты по Сим.	Рассказ в Бел. I (Нкф.) (цит. по: ПСРЛ. Т. 35. С. 30), варианты по Супр.
43	<p>Мамаи же, гоним сѣи, бѣгаа пред Тахтамышевыми гонители, и прибѣжа близ града Кафы, и съслася с кафинци по докончанию и по опасу, дабы его приали на избавление, дондеже избудеть от всѣх гонящих его. И повелѣша ему, и прибѣже Мамаи в Кафу съ множествомъ имѣнниа, злата и сребра. Кафинци же свѣщавшеся и створиша над нимъ облесть, и ту от них убьен бысть. И тако бысть конец Мамаю.</p>	<p>И убиша Мамаю.</p>	
44	<p>А самъ царь Тахтамышъ шед, взя Орду Мамаеву, и царици его, и казны его, и улусъ в(е)сь [в С1Л ст.: улусы всѣ] поима, и богатство Мамаево раздѣли дружинѣ свои.</p>	<p>И сам шед, взя Орду Мамаеву и царици его и казны его и улусъ весь поима, и богатство Мамаево раздѣли дружинѣ свои.</p>	<p>А сам шед, взя Мамаеву Орду, и царици, и улусъ весь поима, и богатство Мамаево раздѣли другом своим.</p>
45	<p>И оттуду послы своя отпусти [в С1Л ст.: на Русь] къ князю Дмитрию [в С1Л ст.: Ивановичу] и къ всѣм княземъ рускимъ, повѣдая имъ свои приход, и како въцарися, и како супротивника своего и их врага Мамаа [в Г: Мамаю] побѣди, а самъ шед, сѣде на царствѣ Волжскомъ.</p>	<p>И оттуду послы своя отпусти на Русскую землю ко князю в е л и к о м у Дмитрию И в а н о в и ч у и ко всѣм княземъ русскимъ, повѣдая имъ свои приход, и како въцарися, и како супротивника своего и их врага Мамаю побѣди, а самъ шед, сѣде на царствѣ Волжскомъ.</p>	<p>И оттуду послы отпусти к князю великому Дмитрию Ивановичу и ко всим княземъ русскимъ, повѣда имъ свои приход, как врага своего Мамаю и их врага побѣди, а сам шед сѣде на Вльжском царствѣ.</p>
46	<p>Князи же рустии посла его отпустиша съ честию и с дары, а сами <i>на зиму ту и на ту весну</i> [в С1Л ст. вместо слов, набранных курсивом: на весну ту] за ними отпустиша в Орду къ царю коиже [в Г: кождо, в С1Л ст.: книждо] своих килициев [в Г: киличевъ] съ многими дары.</p>	<p>Князи же рустии пословъ его отпустиша съ честию и с дары, а сами <i>на зиму ту и на ту весну</i> за ними отпустиша коиждо своих киличевъ со многими дары ко царю Токтамышю.</p>	<p>Князи же рустии пословъ его отпустиша с честию и с дары, а за ними отпустиша свои киличи в Орду с многими дары к царю.</p>

Составитель свода 1408 г. наряду со вставками из Повести в первую часть рассказа «Летописца великого русского» заимствовал из нее и текст второй части (доказательства первичности текста Повести приведены выше). Сообщения об Олеге Рязанском, о судьбе Мамае и о воцарении в Орде Тохтамыша были внесены в летописный рассказ свода 1408 г. из самостоятельно (вне летописного свода) существовавшей Повести, созданной в конце XIV в., которая затем была включена в свод Фотия 1418 г.

Текст второй части почти буквально переписан составителем свода 1408 г. из Повести. Опущен лишь фрагмент 33, рассказывающий об ограблении по указанию князя Олега Рязанского русских воинов, и, вероятно, фрагмент 43, рассказывающий в Повести о бегстве Мамае в Кафу, его переговорах с кафианцами, об убийстве ими Мамае. В протографе Рог.—Сим. на месте этого фрагмента читается одна фраза: «...и убиша Мамае». В Бел. I этой фразы нет. Скорее всего, ее не было и в своде 1408 г., а внесена она была только в общий протограф Рог.—Сим. (свод 1412 г.), составитель которого проявил осведомленность о судьбе Мамае. Во-первых, если бы фразу об убийстве Мамае внес составитель свода 1408 г., перед которым был текст Повести, то он, пусть кратко, но сказал бы вслед за Повестью, что Мамае убили жители Кафы. Согласно же Рог.—Сим., Мамае был убит воинами Тохтамыша, что неверно. Во-вторых, сообщение об убийстве Мамае в Рог.—Сим. разрывает единую фразу, читавшуюся в своде 1408 г. и сохраненную в Бел. I (здесь нет вставки), в которой действующим лицом выступает Тохтамыш. Вероятно, в своде 1408 г. сообщение Повести о Мамае (фрагмент 43) было опущено и читалась такая фраза: «Царь же Тохтамыш послал за ним в погоню воя своя, а (так в Повести и Бел. I, в Рог. — и) сам шед, взял Орду Мамаеву, и царицы его, и казны его, и улусь весь пойма, и богатство Мамаево раздели дружинѣ своеи». В Рог.—Сим. не читается также фраза Повести о том, что был бой Тохтамыша с Мамаем (фрагмент 40). Поскольку сообщение о происшедшем якобы бое ошибочно, можно предположить, что эта фраза была внесена в Повесть после того, как ее текстом воспользовался составитель свода 1408 г., возможно, при включении Повести в свод Фотия 1418 г.

Почти дословное заимствование из Повести текста, составляющего в Рог.—Сим. вторую часть рассказа, при том что в первую часть были выписаны отдельные фрагменты, объясняется тем, что вторая часть (эпilog, повествующий о событиях, случившихся после возвращения Дмитрия Ивановича в Москву) содержит исключительно фактический материал.

В Бел. I текст свода 1408 г. отредактирован стилистически, некоторые фрагменты переданы более лаконично.

В НИЛ мл. вторая часть рассказа отсутствует. Однако вряд ли можно сомневаться, что составителю этой летописи она была известна. Дело в том, что рассказ о Куликовской битве в этой летописи представляет собой сводный текст: перед составителем НИЛ мл. был и текст рассказа свода 1408 г., и текст Повести, входившей в свод 1418 г. И в том и в другом источнике рассказа НИЛ мл. рассказы об Олеге Рязанском, Мамае и Тохтамыше читались. Составителем НИЛ мл. вторая часть рассказа свода 1408 г. (о событиях после Куликовской битвы) была опущена, видимо, как не представлявшая интереса для новгородца.

* * *

Подведем итоги.

1. Первым произведением Куликовского цикла была, по моим представлениям, летописная *заметка* под 1380 г. в московской летописи, завершённой известием под 1392 г. — в «Летописце великом русском» (на стемме — ЛВР). Она дошла в составе МАк., третья часть которой, по мнению Я. С. Лурье, восходит через ростовский свод 1419 г. к протографу Троицкой летописи (т. е. своду 1392 г.).

2. В конце XIV в. (не позднее 1386 г.) была создана *внелетописная воинская Повесть о Куликовской битве*, которая в своем изначальном виде до нас не дошла. Повесть является публицистическим произведением, которое прославляет великого князя Дмитрия Ивановича. На основании совпадения нескольких фраз в Повести и МАк. можно говорить о знакомстве автора Повести с заметкой о Куликовской битве под 1380 г. в «Летописце великом русском».

3. На основе *заметки* под 1380 г. в «Летописце великом русском», дополненной отдельными фрагментами из Повести, был составлен *рассказ в своде 1408 г.* По жанру это был краткий летописный рассказ информационного характера, сходный прежде всего с рассказом о битве на Воже, поскольку они были составлены/отредактированы одним книжником, составителем свода 1408 г.

4. Текст рассказа, читавшийся в своде 1408 г., с незначительными изменениями вошел в свод 1412 г. — общий протограф Рог. и Сим. Отмечавшиеся исследователями дублировки в первой части рассказа Рог.—Сим. возникли в сводном рассказе 1408 г. Однако они объясняются не объединением сведений двух источников, как считалось, а заимствованием текста из Повести, где уже были повторы, или (в двух случаях) добавлениями самого составителя свода 1408 г.

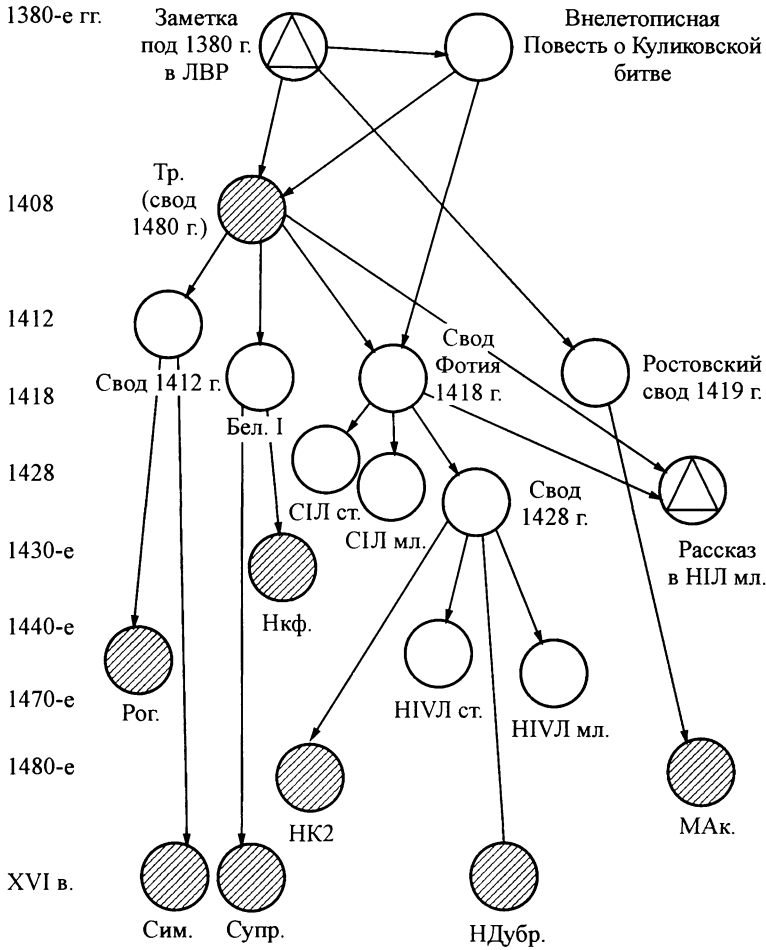
5. Рассказ о Куликовской битве свода 1408 г. послужил также протографом для Бел. I, в которой рассказ был отредактирован стилистически, повествование в нем более лаконичное, повторы сокращены. Отличительной особенностью белорусской редакции рассказа является замена в ней списка убитых воинов общей фразой, прославляющей павших русских воинов.

6. Внелетописная воинская Повесть о Куликовской битве была включена в летописный свод Фотия 1418 г. и дошла в составе восходящих к нему СИЛ, НК2, НІVЛ. Текст рассказа о Куликовской битве в Рог.—Сим. в большинстве случаев ближе к тексту НК2, а точнее, к архетипу НК2 и НІVЛ, нежели к тексту СИЛ, из чего следует вывод, что Повесть в НІVЛ лучше отразила текст свода 1418 г., чем Повесть в СИЛ. При включении в свод Фотия Повесть была отредактирована. За этим текстом следует оставить название «Летописная повесть о Куликовской битве».

7. Составитель НІЛ мл. создал сводный текст: он использовал текст рассказа свода 1408 г. (чем объясняются общие чтения НІЛ мл. и Рог.—Сим.) и при этом самостоятельно обращался к Повести, уже входившей в свод Фотия 1418 г., из которой делал вставки. Для этой редакции характерно постоянное упоминание имени Владимира Андреевича рядом с именем Дмитрия Ивано-

Стемма

Взаимоотношения летописных повествований о Куликовской битве

вича, выпад против «москвичей-небывальцев» и ряд взаимосвязанных религиозных сентенций, заимствованных из Повести, согласно которым битва была выиграна русскими в результате помощи Бога и Богородицы. Вторую часть рассказа Рог.—Сим. (о событиях после битвы) составитель НІЛ мл. опустил.

8. В НДубр. читается Распространенная летописная повесть. Текст, читающийся в СІЛ, НК2, НІВЛ, был дополнен в НДубр. вставками из «Сказания о Мамаевом побоище», созданного, вероятно, в 30-е гг. XV в.

В заключение отметим, что необходимо заново рассмотреть взаимоотношения «Летописной повести» с «Задонщиной» и «Сказанием о Мамаевом побоище», выяснить особенности этих произведений и последовательность их возникновения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В Приложении приводится реконструкция рассказа о Куликовской битве в своде 1408 г. Н. М. Карамзин не сделал выписок из рассказа Тр. о Куликовской битве, и М. Д. Приселков при реконструкции Тр. статью под 1380 г. привел по Сим. Между тем Рог. и Сим. отражают текст тверской обработки Тр. (свода 1412 г.). На основании проведенного сопоставления летописных текстов о Куликовской битве можно с определенной долей уверенности реконструировать текст рассказа о Куликовской битве в Тр., т. е. в своде 1408 г.

За основу реконструкции взят текст Рог. лучше всего сохранивший текст свода 1408 г. В него внесены изменения на основании сопоставления текстов заметки МАк., рассказов Бел. I, НЛ мл. и Повести.

В предлагаемой реконструкции рассказа свода 1408 г. обычным шрифтом набран текст, восходящий к своду 1392 г. (сохранился в МАк.); разрядкой — текст, добавленный составителем свода 1408 г. от себя; заимствования из Повести выделены курсивом; подчеркнут реконструированный мной текст свода 1408 г., который в тексте Рог., взятом за основу, отсутствует или был изменен (пояснения даны в подстрочных примечаниях). Чтения Рог.—Сим., которые, судя по другим текстам, отсутствовали в своде 1408 г., обозначены в реконструкции отточиями, заключенными в угловые скобки, и приведены в примечаниях.

Реконструкция рассказа о Куликовской битве в своде 1408 г.

Часть I

1. <...>¹ Того же лѣта бе з б о ж ны и <...>² ординский князь Мамаи <...>³ собравъ рати многы и всю силу Татарьскую и Половецкую⁴ и рати понаимовавъ, *фрязы и черкасы и ясы, и со всѣми сими* поиде на великаго князя Дмитриа Ивановича и на всю землю Русскую.

2. *И бысть мѣсяца августа, приидоша от Орды вѣсти къ великому князю*⁵ *Дмитрию Ивановичю, аже въздвизается <...>*⁶ *на христианы измалтескыи род поганыи.*⁷

¹ В Сим. читается заглавие: «О великомъ побоищи, иже на Дону», в Рог. вместо «на Дону» ошибочно — «на Вожѣ»: «О воинѣ и о побоищѣ, иже на Вожѣ». По всей вероятности, заглавие рассказа появилось в своде 1412 г.

² В Рог.—Сим. здесь вставлено: «злочестивыи» (в МАк., в Повести и в Бел. I отсутствует).

³ В Рог.—Сим. здесь вставлено: «поганыи» (в МАк., в Повести и в Бел. I отсутствует).

⁴ Так в Бел. I (ср. в Повести: «со всею силою Татарьскою и Половецкою»). В Рог. — «землю Половецкую (в Сим. — «Половецкую») и Татарьскую».

⁵ Так в Бел. I (ср. в Повести: «къ христілюбивому князю»), в Сим. — «къ князю великому», в Рог. — «къ князю къ великому».

⁶ В Рог.—Сим. здесь вставлено: «ратъ татарьскаа» (в Повести и в НЛ мл. нет; в Бел. I весь фрагмент 2 опущен).

⁷ Слово «поганыи» добавлено в своде 1408 г. Подчеркнутые слова стоят в таком порядке в НЛ мл.; в Рог.—Сим. порядок слов изменен, здесь читается: «поганыи род измалтескыи».

3. *И Мамаи нечестивыи лють гнѣвашеся на великаго князя Дмитриа о своих друзѣх и любовницѣх и о князѣх, иже побие ни бысть на рѣцѣ на Вождѣ, подвижася силою мноюю, хотя плѣнити землю Русскую.*

4. Се⁸ же слышавъ князь великий Дмитрие Ивановичь, собравъ воя многи, поиде противу их,⁹ *хотя боронити своя отчины и за святыя церкви и за правовѣрную вѣру христьянскую*¹⁰ и за всю Русьскую землю.¹¹

5.¹²

6. И переехавъ Оку, прииде ему пакы другыя вѣсти,¹³ *повѣдаша ему Мамаея за Доном собравшася, в полѣ стояща и ждуща к собѣ Ягаила на помощь, рати литовские.*¹⁴

7. *Князь же великий поиде за Донѣ. И бысть поле чисто и велико зѣло.*¹⁵

8.¹⁶ *И ту срѣтошася погании <...> плъци¹⁷ за Доном,¹⁸ бѣ бо поле чисто на усть Непрядвы.*

9. *И ту исполчишася¹⁹ татарове противу христьян²⁰ <...>,²¹ и соступишася обои.*

10.²²

⁸ Так в Рог.—Сим. и НЛ мл. В МАк. — «То».

⁹ Местоимения «их» в МАк. нет, оно добавлено в своде 1408 г. В Бел. I вместо «их» читается «его» (здесь в предыдущем фрагменте речь идет о Мамае), в НЛ мл. — словосочетание «безбожных татар».

¹⁰ Выражения «хотя боронити своя отчины» и «за святыя церкви и за правовѣрную вѣру христьянскую» взяты составителем свода 1408 г. из двух разных предложений Повести и не согласованы между собой.

¹¹ Словами «и за всю Русьскую землю» составитель свода 1408 г. заменил слова Повести «и вся христяне».

¹² Фрагмент 5 внесен из Повести составителем рассказа в НЛ мл.

¹³ В Повести — «другаа вѣсть». Неизвестно, как читалось в своде 1408 г.: в Бел. I слова «прииде ему пакы другыя вѣсти» опущены.

¹⁴ В Повести конец фразы иной: «...ждуща к собѣ на помощь Ягаила с Литвою...» (НК2. С. 69).

¹⁵ Этот фрагмент создан в своде 1408 г. на основании следующего текста Повести: «Великий же князь <...> перешедъ за Донѣ в поле чисто <...> на усть Непрядвы...». Вторая фраза этого фрагмента читается только в Рог.—Сим., но была, вероятно, уже в своде 1408 г., об этом свидетельствует словосочетание «велико зѣло», перенесенное составителем свода 1408 г. из фразы, читающейся в Повести в следующем (8) фрагменте: «...бѣ бо поле чисто и велико зѣло на усть Непрядвы».

¹⁶ Составитель свода 1408 г., взяв за основу текст свода 1392 г. («И стрѣтошася за Дономъ на усть Непрядвы»), внес из Повести слова, выделенные курсивом, ср. в Повести: «И бысть в шестую годину дни начаша появливатися погании измаилтяне в полѣ, бѣ бо поле чисто и велико зѣло» (НК2. С. 74).

¹⁷ Словосочетание Повести «погание измаилтяне» было, вероятно, заменено в своде 1408 г. словами «погание плъци» (в Бел. I слово «погание» опущено). В Рог.—Сим. эти слова распространены в словосочетание «погание половци, татарьстии (в Сим. — татарьскыи) плъци» (в Сим. — полци)».

¹⁸ Слова «за Доном» отсутствуют в Рог.—Сим., они реконструируются по МАк. и Бел. I.

¹⁹ Так в Повести и НЛ мл., в Сим. описка: «исполнишася», в Рог. — «изоплъчишася».

²⁰ Текст свода 1408 г. предположительно реконструируется по Повести («татарстии полци противу христьян») и по НЛ мл. («татарове, измаилтески род, противу крестьянъ»). В Рог.—Сим. вместо подчеркнутых слов читается «обои»; это вторичное чтение, поскольку в предыдущей фразе речь идет только о «поганих полках».

²¹ В Рог.—Сим. здесь вставлено: «и устрѣмишася на бои» (в Повести и НЛ мл. этих слов нет, в Бел. I весь фрагмент 9 опущен).

²² Фрагменты 10, 11, 12 внесены по Повести составителем рассказа в НЛ мл., редактировавшим текст свода 1408 г.

11.

12.

13.²³ И бысть съча зла, и брань на длъзъ часъ крѣпка зѣло.²⁴ якоже не бывала в Руси николиже.²⁵ Чресъ весь день съчахуся,²⁶ и падоша мертвых множество бесчислено от обоих.²⁷

14. И поможе Богъ князю великому Дмитрию Ивановичу.

15. А Мамаевы плѣци погании побѣгоша, а наши за ними²⁸ послѣ, биюще, сѣкуще поганыхъ безъ милости.

16. Богъ бо невидѣмою силою устраши сыны Агарины,²⁹ и побѣгоша, обрати плещи свои на язвы. И мнози³⁰ оружием падоша, а друзии в рѣцѣ истопоша.

17. И гнаша их до рѣки до Мечи, и тамо множество их избѣша,³¹ а друзии в рѣцѣ³² истопоша,³³ [им же не бѣ числа].³⁴

18. Иноплѣменници же гоними гнѣвом Божиимъ и страхом одрѣжими суще.

19. И убѣжа Мамаи въ свою землю не во мнозѣ дружинѣ.³⁵

20. Се бысть побоище мѣсяца септября въ 8 день, на Рожество святыя Богородица, в субботу до обѣда.³⁶

²³ В основе этого фрагмента лежит текст свода 1392 г. (см. в МАК.): «И бысть съча зла, ака же не бывала в Руси», существенно дополненный составителем свода 1408 г.

²⁴ Слова «и брань <...> крѣпка зѣло» заимствованы из Повести, где читается: «И бысть съча зла и велика и брань крѣпка и трусь великъ зѣло...» (НК2. С. 75). Слова «на длъзъ часъ» читаются в этом фрагменте в Рог.—Сим. и в НЛЛ мл., а в Повести в 9-м фрагменте (табл. 1).

²⁵ Слов «якоже не бывала в Руси николиже» в Рог.—Сим. нет, они реконструируются предположительно по другим текстам, ср. в МАК.: «ака же не бывала в Руси»; в Бел. I (Супр.): «якоже не бысть в Руси николиже...»; ср. в Повести: «яко от начала миру съча такова не бывала великимъ княземъ рускимъ, якоже сему великому князю всея Руси» (НК2. С. 75).

²⁶ В Бел. I слова «чресъ весь день» вводят дату битвы: «И бысть съча люта чресъ весь день сентебря 8».

²⁷ В Повести иной порядок слов: «и множество безчислено падоша трупия мертвых от обоих» (НК2. С. 75).

²⁸ В Повести читается: «Видѣвше же христиане, яко татарове с Мамаемъ побѣгоша, и погнаша за ними послѣ...» (НК2. С. 77). Словосочетание «за ними послѣ» читалось и в своде 1408 г. В Рог.—Сим. опущено слово «за ними», а в Бел. I — слово «послѣ».

²⁹ Так в Бел. I, в Рог. — «сыны Агаряны». В Повести вместо «сыны Агарины» — «плѣкы татарские».

³⁰ Вместо «И мнози» в Повести читается: «И в погонѣ тои овии же...»; в НЛЛ мл., вероятно, вторичная правка по Повести: «И погнани быша от христианъ, овии же...». В Бел. I весь фрагмент 16 опущен. Не исключено также, что «И мнози» появилось в протографе Рог.—Сим.

³¹ Ср. в Повести: «И гониша их до рѣки до Мечи, и тамо бѣжащихъ бесчисленное множество побиша» (НК2. С. 77).

³² Так в Бел. I, в Рог.—Сим. вместо «в рѣцѣ» читается «...погрязоша в водѣ и...».

³³ Так в Бел. I, в Рог. — «потопоша», в Сим. — «потонуша».

³⁴ Слова «им же не бѣ числа» отсутствуют в Рог.—Сим., они реконструируются предположительно по Бел. I.

³⁵ В Повести, откуда заимствован фрагмент, читается: «Тогда же Мамаи не въ мнозѣ убѣжа въ свою землю в малѣ (в СЛ ст.: не во мнозѣ) дружинѣ...» (НК2. С. 81). По сравнению с реконструируемым текстом свода 1408 г. составитель протографа Рог.—Сим. слова «не въ мнозѣ» заменил словами «в малѣ» и переставил в конец фразы слова «въ свою землю», поскольку добавил к ним прилагательное «Татарскую» («и убѣжа Мамаи в малѣ дружинѣ въ свою землю Татарскую»). Составитель Бел. I слово «дружине» заменил словом «силѣ», а слово «убѣжа» — словом «утече».

³⁶ Этот фрагмент создан на основании следующего текста Повести: «Заутра же в субботу мѣсяца септября 8 день, в самыи празникъ Госпожинѣ [так и в НЛЛ; в СЛ ст.: Рожества Пречистыя], всходящу солнцу...» (НК2. С. 73).

21. И ту убиени быша на суимѣ князь Федоръ Романович Бѣлозерскыи, сынъ его князь Иванъ <...>³⁷ Семень Михайлович, Микула Васильевич, Михайло Иванович *Окинфович*, Андреи Серкизовъ, Тимофѣи Волууи, Михайло Бренковъ, Левъ Морозовъ, Семень Меликъ, Александръ *Пересвѣтъ* и инии мнози.

22.³⁸

23.

24.

25.

26.

27. Князь же великии Дмитриеи Иванович съ прочими князи русскими и съ воеводами и с бояры <...>³⁹ и со остаточными плѣки русскими,⁴⁰ ставъ на костех, благодаря ⁴¹ Бога.

28.⁴²

29. И похвали по хвалами дружину свою, иже крѣпко бишася съ иноплѣмненники и твердо зобрашася⁴³ и мужьскы хроброваша и дрѣзнуша по Бозѣ за вѣру христианьскую.

30. И возвратися отгуду на Москву въ свою отчину с побѣдою великою, одолѣ ратным, побѣдивъ врагы своя.⁴⁴

31. И мнози вои его возрадовашася, яко обрѣтающе користь многу, погна бо с собою многа стада кони и велблуды и волю, имже нѣсть числа, и достѣх, и порты, и товарь.⁴⁵

Часть 2

32. Тогда повѣдаша князю великому,⁴⁶ что князь Олѣгъ Рязаньскыи послал⁴⁷ Мамаю на помощь свою силу, а⁴⁸ самъ на рѣках мосты перемѣталъ.

³⁷ В Рог.—Сим. здесь вставлено отчество — «Федорович» (в МАк., НЛЛ мл., в Повести отсутствует).

³⁸ Фрагменты 22—26 внесены по Повести составителем рассказа НЛЛ мл., редактировавшим текст свода 1408 г.

³⁹ В Рог.—Сим. здесь вставлено: «и с велможами» (в МАк. и в Повести отсутствует).

⁴⁰ Слова «и с бояры... и со остаточными плѣки русскими» добавлены в свод 1408 г. по Повести, где читается: «и прочими бояры... и съ всѣми вои оставшимися». Возможно, именно так читалось в своде 1408 г., а изменение внесено в протограф Рог.—Сим.

⁴¹ Вместо слов «и похвали Бога», читающихся в МАк., в Рог. — «благодари (в Сим. — благодаривъ) Бога». Вероятно, так было уже в своде 1408 г. (ср. в Повести: «велико благодарение принесе Богу»). *Похвала* же адресована князем своей дружине (см. фрагмент 29, заимствованный из Повести).

⁴² Фрагмент 28 внесен из Повести составителем рассказа НЛЛ мл., редактировавшим текст свода 1408 г.

⁴³ Так в НК2, в Рог.—Сим. — «за нь брашася».

⁴⁴ Взяв за основу текст свода 1392 г., составитель свода 1408 г. добавил по Повести два синонимичных выражения к словам «побѣдивъ врагы своя». Составитель Бел. I оставил одно из трех синонимичных выражений, причем то, что было добавлено в своде 1408 г. («с великою побѣдою»).

⁴⁵ Этот фрагмент читается только в Рог.—Сим.; в Бел. I и НЛЛ мл. он опущен. Считать, что этот фрагмент был внесен в свод 1412 г. (протограф Рог.—Сим.), нет оснований: составитель свода 1412 г. не обращался самостоятельно к тексту Повести.

⁴⁶ В Повести далее следует имя великого князя — «Дмитрию Иоановичу».

⁴⁷ Так в Сим. и в Повести, в Рог. — «послал».

⁴⁸ Так в Бел. I и в Повести, в Рог.—Сим. — «и».

33.⁴⁹

34. Князь же великий⁵⁰ про то въсхотѣ на Олга послати рать свою. И се внезапу <...>⁵¹ приехаша к нему бояре рязаньстии и повѣдаша е му,⁵² что князь Олегъ повергъ свою землю, да сам побѣжалъ и со княгинею и з дѣтми и с бояры и з думцами своими.⁵³ И молиша его много⁵⁴ о сем, дабы на них рати не послал,⁵⁵ а сами биша ему челом и рядишася у него в ряд.

35. Князь же великий,⁵⁶ послушавъ их и приим челобитие их, не остави их слова, рати на них не посла, а сам поиде въ свою землю, а на Рязанском княжене посади свои намѣстници.

36. Тогда же Мамаи не во мнозѣ утече⁵⁷ с Доньского побоища⁵⁸ и прибѣже въ свою землю в малѣ дружинѣ, видя себе бита и бѣжавша и посрамлена и поругана, пакы гнѣвашася, не истовяся, яряся и съмуцашася.

37. И собраша⁵⁹ останочную свою силу, <...>⁶⁰ въсхотѣ ити изгоном пакы на великаго князя Дмитрея Ивановича, <...>⁶¹ на <...>⁶² Русскую землю.⁶³

38. Сице же ему умыслишу, и се прииде ему вѣсть, что идет на него нѣкыи царь со востока именем Тактамышъ⁶⁴ изъ Синее Орды.

39. Мамаи же, еже⁶⁵ уготовал на ны рать,⁶⁶ с тою ратию готовою поиде противу его. И срѣтошася на Калках.

40.⁶⁷

41. Мамаевы же князи, сшедше с коней своих, и биша челом царю Тактамышу и даша ему правду по своей вѣрѣ, и пиша к нему роту,⁶⁸ и яшася

⁴⁹ Фрагмент 33, читающийся в Повести (об ограблении рязанцами воинов, возвращавшихся с битвы), не был заимствован составителем рассказа в своде 1408 г.

⁵⁰ В Повести на месте слова «великий» читается имя: «Дмитрий».

⁵¹ В Рог.—Сим. здесь читается: «в то врѣмя»; этих слов нет в Повести и Бел. I.

⁵² Слова «ему» в Повести нет, оно добавлено в своде 1408 г. (читается в Рог.—Сим. и Бел. I).

⁵³ В Бел. I слова «и с бояры и з думцами своими» заменены на «и с единомысленными своими».

⁵⁴ Слово «много» читается в Повести и Бел. I, в Рог.—Сим. оно опущено.

⁵⁵ Так в Бел. I, в Рог.—Сим. — «не слал». В списках Повести встречаются оба варианта.

⁵⁶ Слово «великий» отсутствует в НК2, но оно есть в СИЛ ст.

⁵⁷ В Повести — «убѣжа».

⁵⁸ Слов «с Доньского побоища» в Повести нет. В Бел. I текст фрагмента сокращен, поэтому неизвестно, были добавлены эти слова в своде 1408 г. или в протографе Рог.—Сим.

⁵⁹ В Сим. и НК2 — «събра», в Бел. I — «собра».

⁶⁰ В Рог.—Сим. здесь читается слово «еще», в Повести и Бел. I его нет.

⁶¹ В Рог.—Сим. здесь читается союз «и», в Повести и Бел. I его нет.

⁶² В Рог.—Сим. здесь читается слово «всю», в Повести и Бел. I его нет.

⁶³ Так в Рог.—Сим. и Бел. I, в Повести — «на Русь».

⁶⁴ Имя царя Орды в Повести читается по-разному: Тохтамышъ (НК2, список Г НИВЛ), Тахтамышъ (Строевский список НИВЛ), Тактамышъ (СИЛ ст.). В рассказе читаются два варианта имени: в Бел. I — Тактамышъ, в Рог. и Сим. — Тохтамышъ.

⁶⁵ В Повести — слово «юже», относящееся к слову «рать».

⁶⁶ В Повести обратный порядок слов: «рать на ны».

⁶⁷ Фрагмент 40, читающийся в «Летописной повести» («И бысть имъ бои, и царь Тахтамышъ побѣди Мамаа и прогна его»), в Рог.—Сим. и Бел. I отсутствует. Вероятно, его не было в тексте внелетописной Повести, послужившей источником для рассказа свода 1408 г.

⁶⁸ Неизвестно, читались выделенные разрядкой слова уже в своде 1408 г. или были добавлены в протографе Рог.—Сим.: текст в Бел. I не позволяет это решить, фрагмент в нем сокращен.

за него, а Мамая оставиша я ко⁶⁹ поругана. Мамай же то видѣвъ, и скоро побѣжа со своими <...>⁷⁰ единомысленики.

42. Царь же Тахтамышь посла за ним в погоню воя своя,

43.⁷¹

44. а⁷² сам⁷³ шед, взя Орду Мамаеву и царици его и казны его и улусъ весь пойма, и богатство Мамаево раздѣли дружинѣ своеи.

45. И оттуду послы своя отпусти <...>⁷⁴ ко князю великому Дмитрию Ивановичу⁷⁵ и ко всѣм княземъ русским, повѣдая им свои приход, и како въцарися, и како супротивника своего и их врага Мамаю побѣди, а самъ шед, сѣде на царствѣ Волжѣском.

46. Князи же русстии пословъ⁷⁶ его отпустиша съ честию и с дары, а сами на зиму ту и на ту весну за ними отпустиша коижедо своих киличеевъ в Орду⁷⁷ со многими дары ко царю <...>⁷⁸.

⁶⁹ Неизвестно, внесено слово «яко», отсутствующее в Повести, уже в свод 1408 г. или было добавлено в протографе Рог.—Сим.; в Бел. I фрагмент сокращен.

⁷⁰ В Рог.—Сим. добавлено: «думцами и». В Повести — «съ своими единомысленики», в Бел. I — «с единомысленики своими».

⁷¹ В Рог.—Сим. в этом фрагменте читается фраза: «И убиша Мамаю». Этого сообщения, по всей видимости, не было в своде 1408 г. (см. коммент. к табл. 2).

⁷² Так в Повести и Бел. I, в Рог.—Сим. — «и».

⁷³ В Повести далее: «царь Тахтамышь».

⁷⁴ В Рог.—Сим. здесь читается «на Русскую землю». В Бел. I и НК2 этих слов нет, однако в СЛ ст. читается: «на Русь». Не исключено, что слова «на Русь» в СЛ и «на Русскую землю» в Рог.—Сим. были добавлены независимо друг от друга.

⁷⁵ Так в Рог.—Сим. и Бел. I, в НК2 отчества нет, в СЛ ст. оно читается.

⁷⁶ Так в Рог.—Сим. и в Бел. I, в Повести ед. ч. — «посла», хотя в предыдущем фрагменте речь шла о «послах».

⁷⁷ Слово «в Орду» читается в Повести и в Бел. I, в Рог.—Сим. оно опущено.

⁷⁸ В Рог.—Сим. здесь читается: «Токтамышю», в Повести и в Бел. I этого имени нет. Порядок слов конца фразы в Повести иной: «...отпустиша в Орду къ царю коиже своих килициев (в Г: киличеевъ) съ многими дары».

Страница	Напечатано	Следует читать
С. 307, примеч. 10	ПСРЛ. Т. 17: Западнорусские летописи. М., 1907.	ПСРЛ. Т. 17: Западнорусские летописи. СПб., 1907.
С. 307, примеч. 11	См. также: ПСРЛ. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 101—427; репринт: М., 2000.	См. также: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 101—427; репринт: ПСРЛ. Т. 3. М., 2000.
С. 312, примеч. 51	Отчет о двенадцатом присуждении премий митрополитом Макарием в 1907 году.	Отчет о двенадцатом присуждении имп. Академией наук премий митрополита Макария в 1907 году.
С. 314, примеч. 63	Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975. С. 316, 317, 330, 332, 431, 432.	Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975. С. 442.
С. 314, примеч. 64	Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго. С. 104.	Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго. С. 125. Эта отсылка должна читаться в примеч. 63.
С. 348, 8-я строка сверху	За основу реконструкции взят текст Рог. лучше всего...	За основу реконструкции взят текст Рог., лучше всего...